

БРАТЯ ВИЛЬГЕЛЬМ И ЯКОБ ГРИММ

Предисловие

Молоко любимой женщины

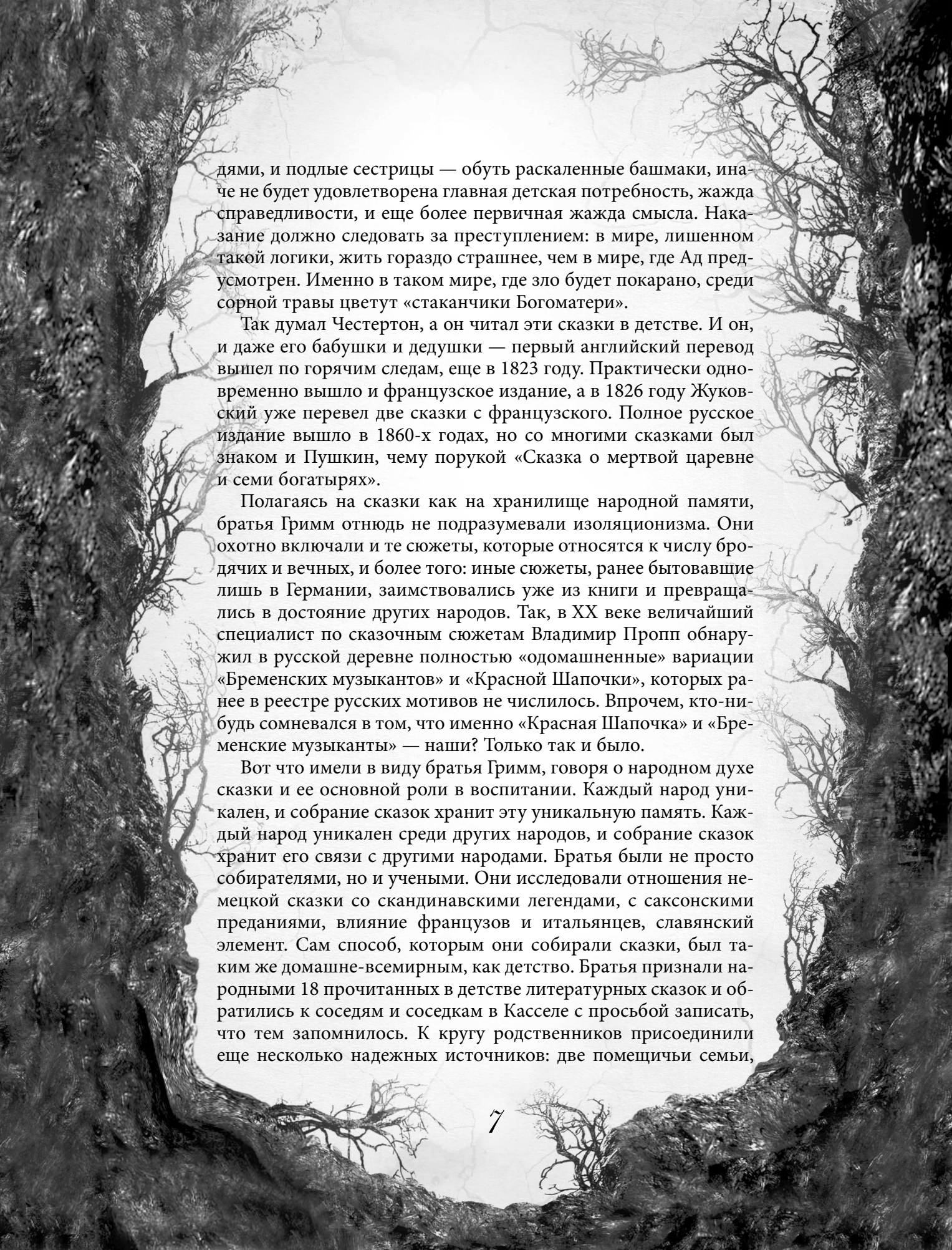
Когда в постсоветской России впервые появилось белое полусладкое из регионов Рейн-Гессен и Реунгау, продавалось оно под именем «Молоко любимой женщины». Однако «любимой женщиной» в Германии называли ту, к кому итальянцы обращаются «моя госпожа», «мадонна». Видимо, сказалась разница традиций: в России вино кажется не слишком-то уместной темой, когда разговор идет о Богородице (хотя не она ли напомнила Сыну в Кане Галилейской, что свадебным гостям может не хватить радостного напитка). Вот и из собрания сказок и детских легенд братьев Гримм еще в дореволюционных переводах была изгнана детская легенда «Стаканчик Богородицы». Чтобы нумерация все-таки совпала, составители дореволюционных сборников переносили в легенды «Золотой ключик», которым братья Гримм неизменно заканчивали раздел собственно сказок (ведь это явно не христианская легенда, а притча о чтении), а на место последней, двухсотой сказки ставили какой-нибудь дополнительный вариант, не попавший в окончательное собрание сочинений. В советское время, естественно, отпали и все «детские легенды» с их христианскими мотивами, но теперь они вернулись, и нам по-прежнему не хватает той давно потерявшейся легенды. Приведем ее целиком здесь, чтобы сборник пришел в точное соответствие с немецким каноническим шестым (1850 года) изданием «Детских и домашних сказок»: 200 сказок и 10 «детских легенд».

«Стаканчик Богоматери»

Как-то раз возница, чересчур нагрузивший свою повозку бочками с вином, застрял с нею и, сколько ни бился, так и не сумел ее вытолкнуть. А той же дорогой как раз шла Матерь Божья и, увидев, в какой нужде оказался этот бедняга, сказала ему: «Я устала и хочу пить, дай мне стаканчик вина, а я помогу тебе вытолкнуть телегу». — «Охотно, — отвечал возница, — вот только нет у меня стаканчика, чтобы налить тебе в него». Тогда Матерь Божья сорвала белый цветок с красными полосками, который называется «вьюнок» и так похож с виду на стаканчик, и протянула его вознице. Тот наполнил этот бокал вином, Матерь Божья выпила, и телега тут же освободилась, так что возница смог поехать дальше. А цветок и поныне зовут «стаканчиком Богоматери».

До сводного канонического издания составители шли полжизни: первое, намного более короткое издание, вышло двумя томами в 1812–1815 годах, и Якоб Гримм, отправившись в составе делегации от княжества Гессен-Кассель на Венский конгресс, ухитрился провести там нечто вроде презентации. Ему это казалось правильным: в обстановке полного замирения Европы после наполеоновских походов, реставрации монархии и восстановления границ самое время было подумать о сказках, воплощающих индивидуальный дух народа и напоминающих о единых корнях. Сказкам оба брата, и Якоб, и Вильгельм, придавали воспитательное значение, потому и адресовали их в первую очередь детям, хотя иные сказки сюжетно сложны, а многие первоначально содержали элементы, которые вполне могут быть отмечены наклейкой «16+», а то и «18+». Сказки-то сочиняют отнюдь не дети, а взрослые люди, из тех, что склонны и лопату называть лопатой, и все прочее — тоже точными именами. Из педагогических целей братья позднее проценировали аутентичные записи и практически полностью убрали из печатной версии эротику. Распущенные волосы Рапунцель-Колокольчик — вот и вся распущенность: простодушное удивление, отчего вдруг платье стало тесно, исчезло.

А насчет «жестокости» этих сказок озаботились лишь в XX веке, и в иных детских сборниках принялись их смягчать. Возможно, заодно лишили сказки и воспитательной сути: Честертон выступал в защиту страшных сказок, доказывая, что жестокая мачеха должна прокатиться в бочке, утыканной гвоз-

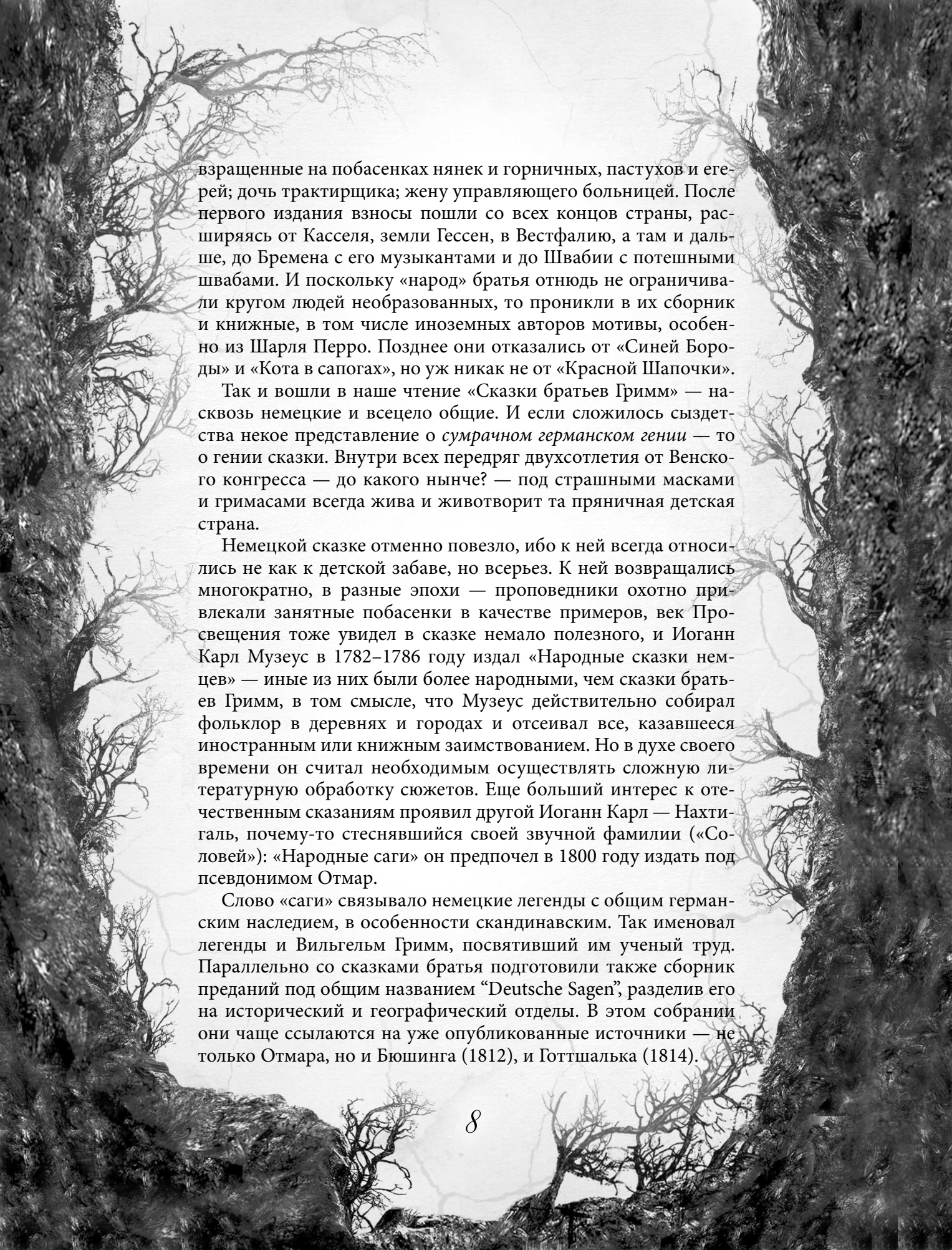

дями, и подлые сестрицы — обуть раскаленные башмаки, иначе не будет удовлетворена главная детская потребность, жажда справедливости, и еще более первичная жажда смысла. Наказание должно следовать за преступлением: в мире, лишенном такой логики, жить гораздо страшнее, чем в мире, где Ад предусмотрен. Именно в таком мире, где зло будет покарано, среди сорной травы цветут «стаканчики Богоматери».

Так думал Честертон, а он читал эти сказки в детстве. И он, и даже его бабушки и дедушки — первый английский перевод вышел по горячим следам, еще в 1823 году. Практически одновременно вышло и французское издание, а в 1826 году Жуковский уже перевел две сказки с французского. Полное русское издание вышло в 1860-х годах, но со многими сказками был знаком и Пушкин, чему порукой «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях».

Полагаясь на сказки как на хранилище народной памяти, братья Grimm отнюдь не подразумевали изоляционизма. Они охотно включали и те сюжеты, которые относятся к числу бродячих и вечных, и более того: иные сюжеты, ранее бытовавшие лишь в Германии, заимствовались уже из книги и превращались в достояние других народов. Так, в XX веке величайший специалист по сказочным сюжетам Владимир Пропп обнаружил в русской деревне полностью «одомашненные» вариации «Бременских музыкантов» и «Красной Шапочки», которых ранее в реестре русских мотивов не числилось. Впрочем, кто-нибудь сомневался в том, что именно «Красная Шапочка» и «Бременские музыканты» — наши? Только так и было.

Вот что имели в виду братья Grimm, говоря о народном духе сказки и ее основной роли в воспитании. Каждый народ уникален, и собрание сказок хранит эту уникальную память. Каждый народ уникален среди других народов, и собрание сказок хранит его связи с другими народами. Братья были не просто собирателями, но и учеными. Они исследовали отношения немецкой сказки со скандинавскими легендами, с саксонскими преданиями, влияние французов и итальянцев, славянский элемент. Сам способ, которым они собирали сказки, был таким же домашне-всемирным, как детство. Братья признали народными 18 прочитанных в детстве литературных сказок и обратились к соседям и соседкам в Касселе с просьбой записать, что тем запомнилось. К кругу родственников присоединили еще несколько надежных источников: две помещицьи семьи,

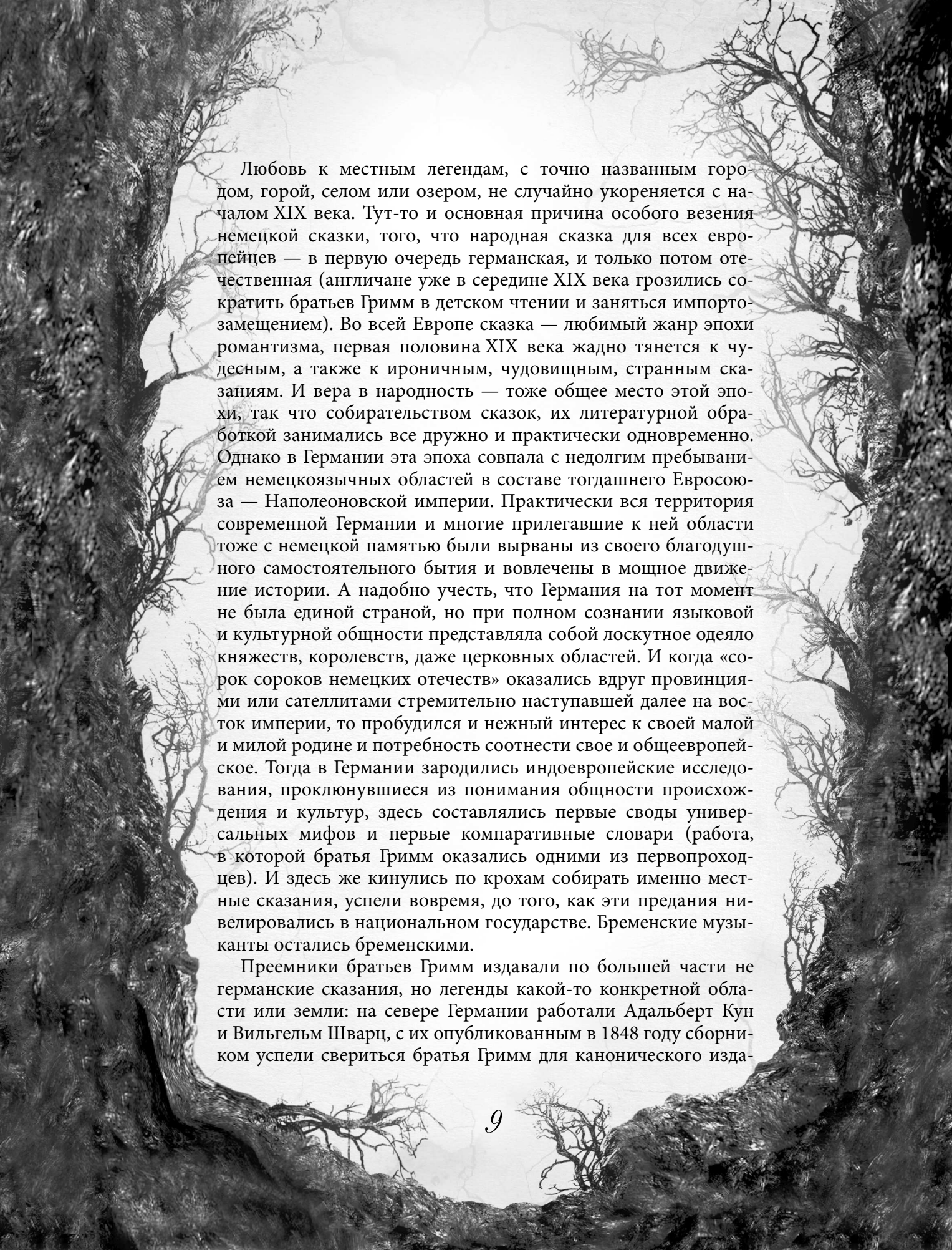

взращенные на побасенках няnek и горничных, пастухов и егeрей; дочь трактирщика; жену управляющего больницей. После первого издания взносы пошли со всех концов страны, расширяясь от Касселя, земли Гессен, в Вестфалию, а там и дальше, до Бремена с его музыкантами и до Швабии с потешными швабами. И поскольку «народ» братья отнюдь не ограничивали кругом людей необразованных, то проникли в их сборник и книжные, в том числе иноземных авторов мотивы, особенно из Шарля Перро. Позднее они отказались от «Синей Бороды» и «Кота в сапогах», но уж никак не от «Красной Шапочки».

Так и вошли в наше чтение «Сказки братьев Гримм» — насквозь немецкие и всецело общие. И если сложилось сыздетства некое представление о *сумрачном германском гении* — то о гении сказки. Внутри всех передрыг двухсотлетия от Венского конгресса — до какого нынче? — под страшными масками и гримасами всегда жива и животворит та пряничная детская страна.

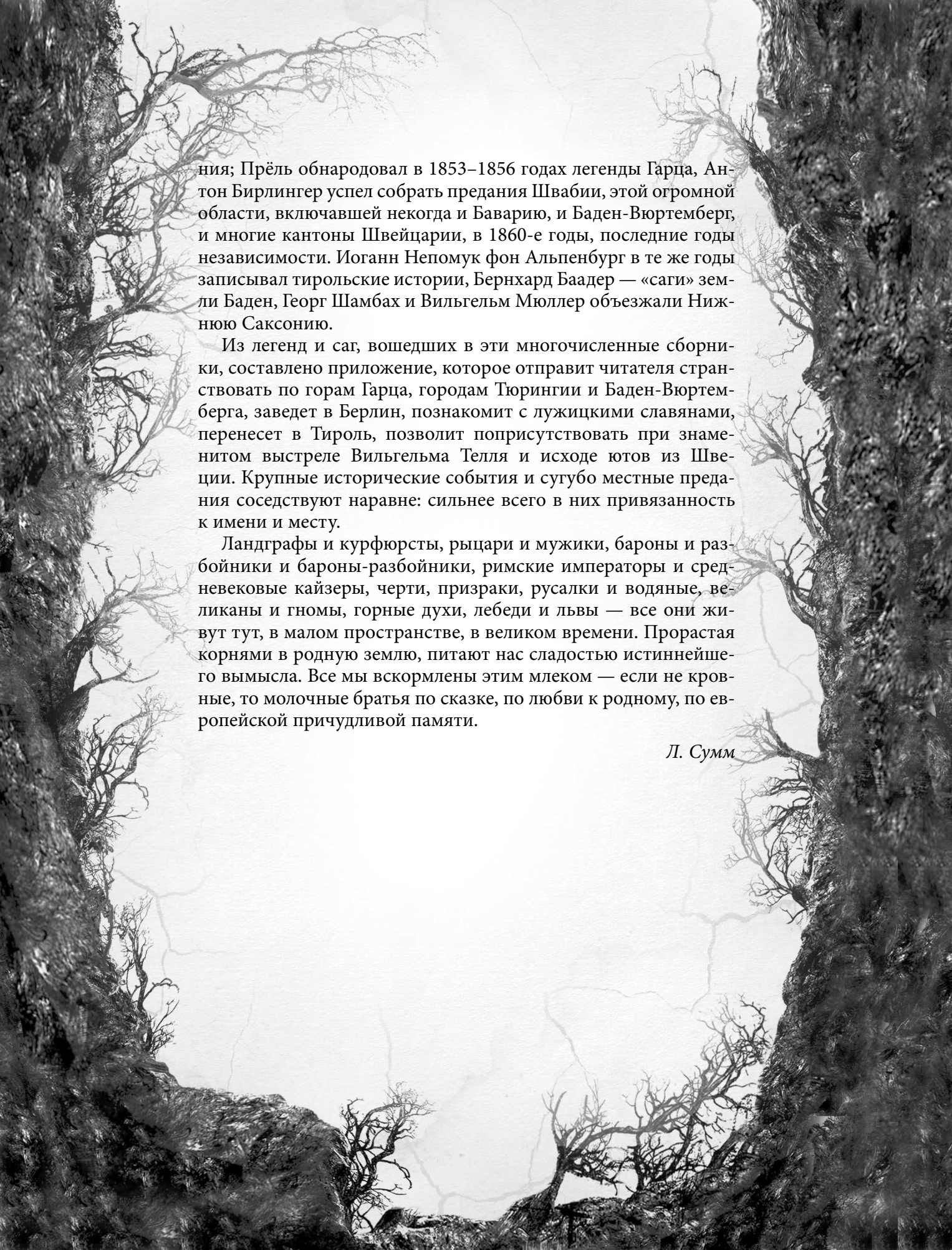
Немецкой сказке отменно повезло, ибо к ней всегда относились не как к детской забаве, но всерьез. К ней возвращались многократно, в разные эпохи — проповедники охотно привлекали занятные побасенки в качестве примеров, век Просвещения тоже увидел в сказке немало полезного, и Иоганн Карл Музеус в 1782–1786 году издал «Народные сказки немцев» — иные из них были более народными, чем сказки братьев Гримм, в том смысле, что Музеус действительно собирал фольклор в деревнях и городах и отсеивал все, казавшееся иностранным или книжным заимствованием. Но в духе своего времени он считал необходимым осуществлять сложную литературную обработку сюжетов. Еще больший интерес к отечественным сказаниям проявил другой Иоганн Карл — Нахтигаль, почему-то стеснявшийся своей звучной фамилии («Соловей»): «Народные саги» он предпочел в 1800 году издать под псевдонимом Отмар.

Слово «саги» связывало немецкие легенды с общим германским наследием, в особенности скандинавским. Так именовал легенды и Вильгельм Гримм, посвятивший им ученый труд. Параллельно со сказками братья подготовили также сборник преданий под общим названием “Deutsche Sagen”, разделив его на исторический и географический отделы. В этом собрании они чаще ссылаются на уже опубликованные источники — не только Отмара, но и Бюшинга (1812), и Готтшалька (1814).

Любовь к местным легендам, с точно названным городом, горой, селом или озером, не случайно укореняется с началом XIX века. Тут-то и основная причина особого везения немецкой сказки, того, что народная сказка для всех европейцев — в первую очередь германская, и только потом отечественная (англичане уже в середине XIX века грозилась сократить братьев Гримм в детском чтении и заняться импортозамещением). Во всей Европе сказка — любимый жанр эпохи романтизма, первая половина XIX века жадно тянется к чудесным, а также к ироничным, чудовищным, странным сказаниям. И вера в народность — тоже общее место этой эпохи, так что собирательством сказок, их литературной обработкой занимались все дружно и практически одновременно. Однако в Германии эта эпоха совпала с недолгим пребыванием немецкоязычных областей в составе тогдашнего Евросоюза — Наполеоновской империи. Практически вся территория современной Германии и многие прилегавшие к ней области тоже с немецкой памятью были вырваны из своего благодушного самостоятельного бытия и вовлечены в мощное движение истории. А надобно учесть, что Германия на тот момент не была единой страной, но при полном сознании языковой и культурной общности представляла собой лоскутное одеяло княжеств, королевств, даже церковных областей. И когда «сорок сороков немецких отечеств» оказались вдруг провинциями или сателлитами стремительно наступавшей далее на восток империи, то пробудился и нежный интерес к своей малой и милой родине и потребность соотнести свое и общеевропейское. Тогда в Германии зародились индоевропейские исследования, проклюнувшиеся из понимания общности происхождения и культур, здесь составлялись первые своды универсальных мифов и первые компаративные словари (работа, в которой братья Гримм оказались одними из первопроходцев). И здесь же кинулись по крохам собирать именно местные сказания, успели вовремя, до того, как эти предания нивелировались в национальном государстве. Бременские музыканты остались бременскими.

Преемники братьев Гримм издавали по большей части не германские сказания, но легенды какой-то конкретной области или земли: на севере Германии работали Адальберт Кун и Вильгельм Шварц, с их опубликованным в 1848 году сборником успели свериться братья Гримм для канонического изда-

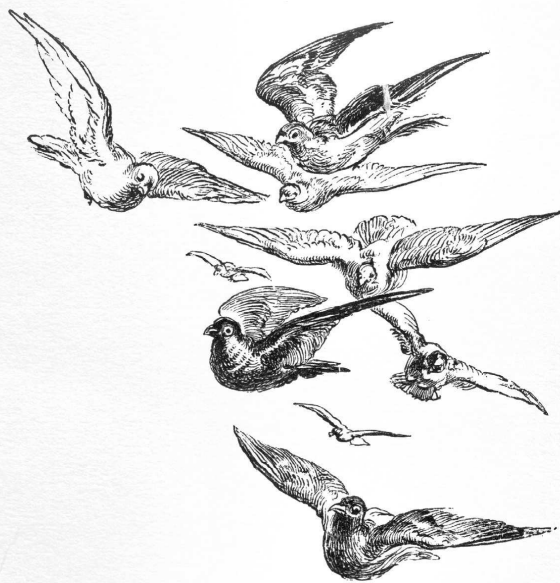
ния; Прэль обнаружил в 1853–1856 годах легенды Гарца, Антон Бирлингер успел собрать предания Швабии, этой огромной области, включавшей некогда и Баварию, и Баден-Вюртемберг, и многие кантоны Швейцарии, в 1860-е годы, последние годы независимости. Иоганн Непомук фон Альпенбург в те же годы записывал тирольские истории, Бернхард Баадер — «саги» земли Баден, Георг Шамбах и Вильгельм Мюллер объезжали Нижнюю Саксонию.

Из легенд и саг, вошедших в эти многочисленные сборники, составлено приложение, которое отправит читателя странствовать по горам Гарца, городам Тюрингии и Баден-Вюртемберга, заведет в Берлин, познакомит с лужицкими славянами, перенесет в Тироль, позволит поприисутствовать при знаменитом выстреле Вильгельма Телля и исходе ютов из Швеции. Крупные исторические события и сугубо местные предания соседствуют наравне: сильнее всего в них привязанность к имени и месту.

Ландграфы и курфюрсты, рыцари и мужики, бароны и разбойники и бароны-разбойники, римские императоры и средневековые кайзеры, черти, призраки, русалки и водяные, великаны и гномы, горные духи, лебеди и львы — все они живут тут, в малом пространстве, в великом времени. Прорастая корнями в родную землю, питают нас сладостью истиннейшего вымысла. Все мы вскормлены этим млеком — если не кровные, то молочные братья по сказке, по любви к родному, по европейской причудливой памяти.

Л. Сумм

СКАЗКИ

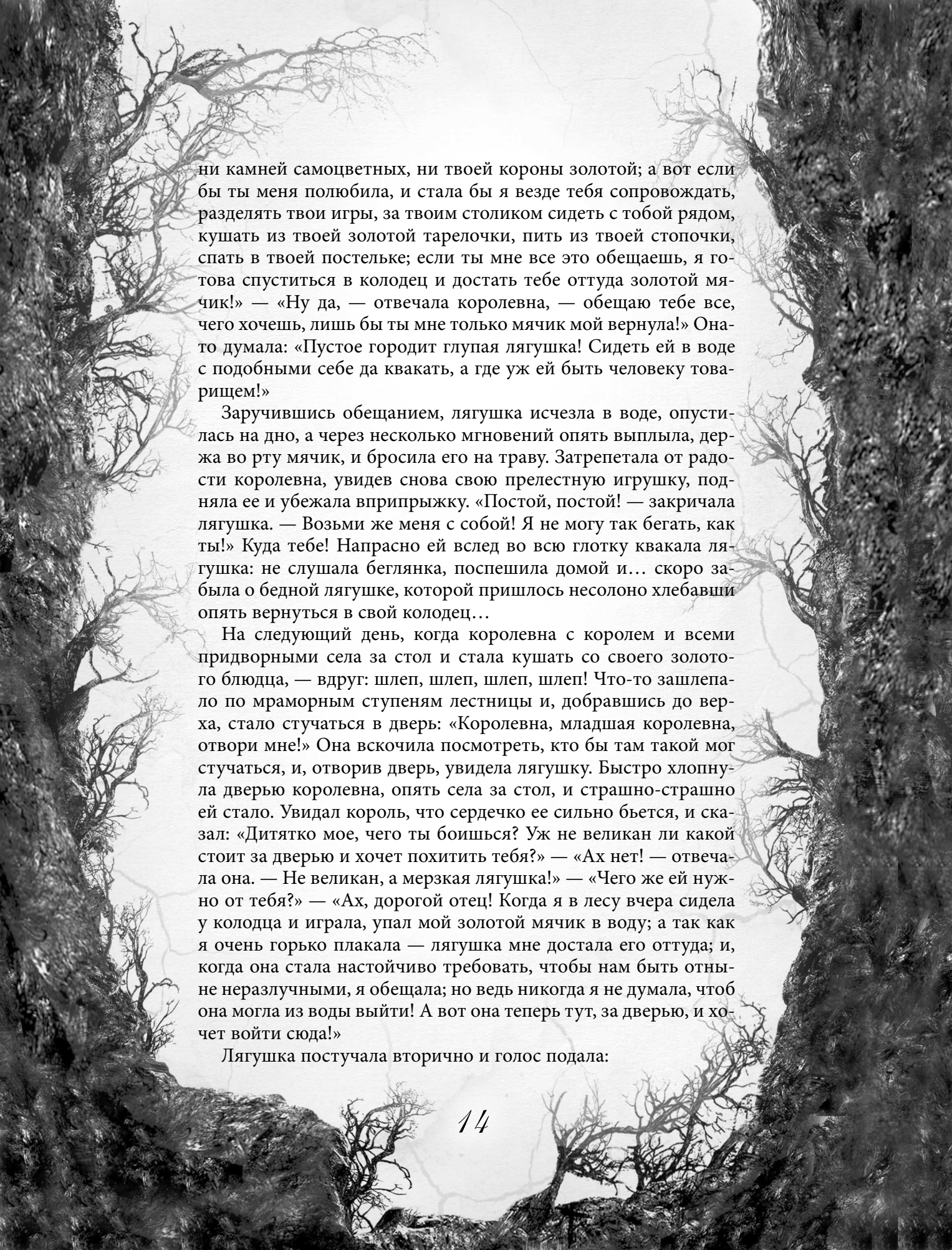

Король-лягушонок, или Железный Генрих

В старые годы, когда стоило лишь пожелать чего-нибудь — и желание исполнялось, жил-был на свете король; и все дочери его были одна краше другой, а уж младшая королева была так прекрасна, что даже само солнышко, так много видавшее всяких чудес, — и то дивилось, озаряя ее личико. Близ королевского замка был большой темный лес, а в том лесу, под старой липой, вырыт был колодец. В жаркие дни заходила королева в темный лес и садилась у прохладного колодца; а когда ей скучно становилось, брала она золотой свой мячик, подбрасывала его и ловила: это была ее любимая забава.

Но вот случилось однажды, что подброшенный королевной золотой мяч попал не в ее протянутые ручки, а пролетел мимо, ударился оземь и прямо покатился в воду. Королева следила за ним глазами, но, увы, мячик исчез в колодце! А колодец был так глубок, так глубок, что и дна не было видно. Стала тут королева плакать, плакала-рыдала все громче да горестней и никак не могла утешиться. Плачет она, заливаясь, как вдруг слышит чей-то голос: «Да что с тобой, королева?! От твоих слез и в камне жалость явится!..» Оглянулась она, чтоб узнать, откуда голос звучит, и увидела лягушку, которая высунула свою толстую, уродливую голову из воды. «Ах, так это ты, старый водошлёп! — сказала девушка. — Плачу я о своем золотом мячике, что в колодец упал!..» — «Успокойся, не плачь! — отвечала лягушка. — У меня-то средство найдется, чтоб горю твоему помочь; но что дашь ты мне, если я тебе игрушку достану?» — «Да все, что хочешь, милая лягушечка! — отвечала королева. — Мои платья, жемчуг мой, камения самоцветные, а еще в придачу и корону золотую, которую ношу!» И отвечала лягушка: «Не нужно мне ни платьев твоих, ни жемчуга,

ни камней самоцветных, ни твоей короны золотой; а вот если бы ты меня полюбила, и стала бы я везде тебя сопровождать, разделять твои игры, за твоим столиком сидеть с тобой рядом, кушать из твоей золотой тарелочки, пить из твоей стопочки, спать в твоей постельке; если ты мне все это обещаешь, я готова спуститься в колодец и достать тебе оттуда золотой мячик!» — «Ну да, — отвечала королевна, — обещаю тебе все, чего хочешь, лишь бы ты мне только мячик мой вернула!» Она то думала: «Пустое городит глупая лягушка! Сидеть ей в воде с подобными себе да квакать, а где уж ей быть человеку товарищем!»

Заручившись обещанием, лягушка исчезла в воде, опустилась на дно, а через несколько мгновений опять выплыла, держа во рту мячик, и бросила его на траву. Затрепетала от радости королевна, увидев снова свою прелестную игрушку, подняла ее и убежала вприпрыжку. «Постой, постой! — закричала лягушка. — Возьми же меня с собой! Я не могу так бегать, как ты!» Куда тебе! Напрасно ей вслед во всю глотку квакала лягушка: не слушала беглянка, поспешила домой и... скоро забыла о бедной лягушке, которой пришлось несолоно хлебавши опять вернуться в свой колодец...

На следующий день, когда королевна с королем и всеми придворными села за стол и стала кушать со своего золотого блюда, — вдруг: шлеп, шлеп, шлеп, шлеп! Что-то зашлепало по мраморным ступеням лестницы и, добравшись до верха, стало стучаться в дверь: «Королевна, младшая королевна, отвори мне!» Она вскочила посмотреть, кто бы там такой мог стучаться, и, отворив дверь, увидела лягушку. Быстро хлопнула дверью королевна, опять села за стол, и страшно-страшно ей стало. Увидел король, что сердечко ее сильно бьется, и сказал: «Дитяtko мое, чего ты боишься? Уж не великан ли какой стоит за дверью и хочет похитить тебя?» — «Ах нет! — отвечала она. — Не великан, а мерзкая лягушка!» — «Чего же ей нужно от тебя?» — «Ах, дорогой отец! Когда я в лесу вчера сидела у колодца и играла, упал мой золотой мячик в воду; а так как я очень горько плакала — лягушка мне достала его оттуда; и, когда она стала настойчиво требовать, чтобы нам быть отныне неразлучными, я обещала; но ведь никогда я не думала, чтоб она могла из воды выйти! А вот она теперь тут, за дверью, и хочет войти сюда!»

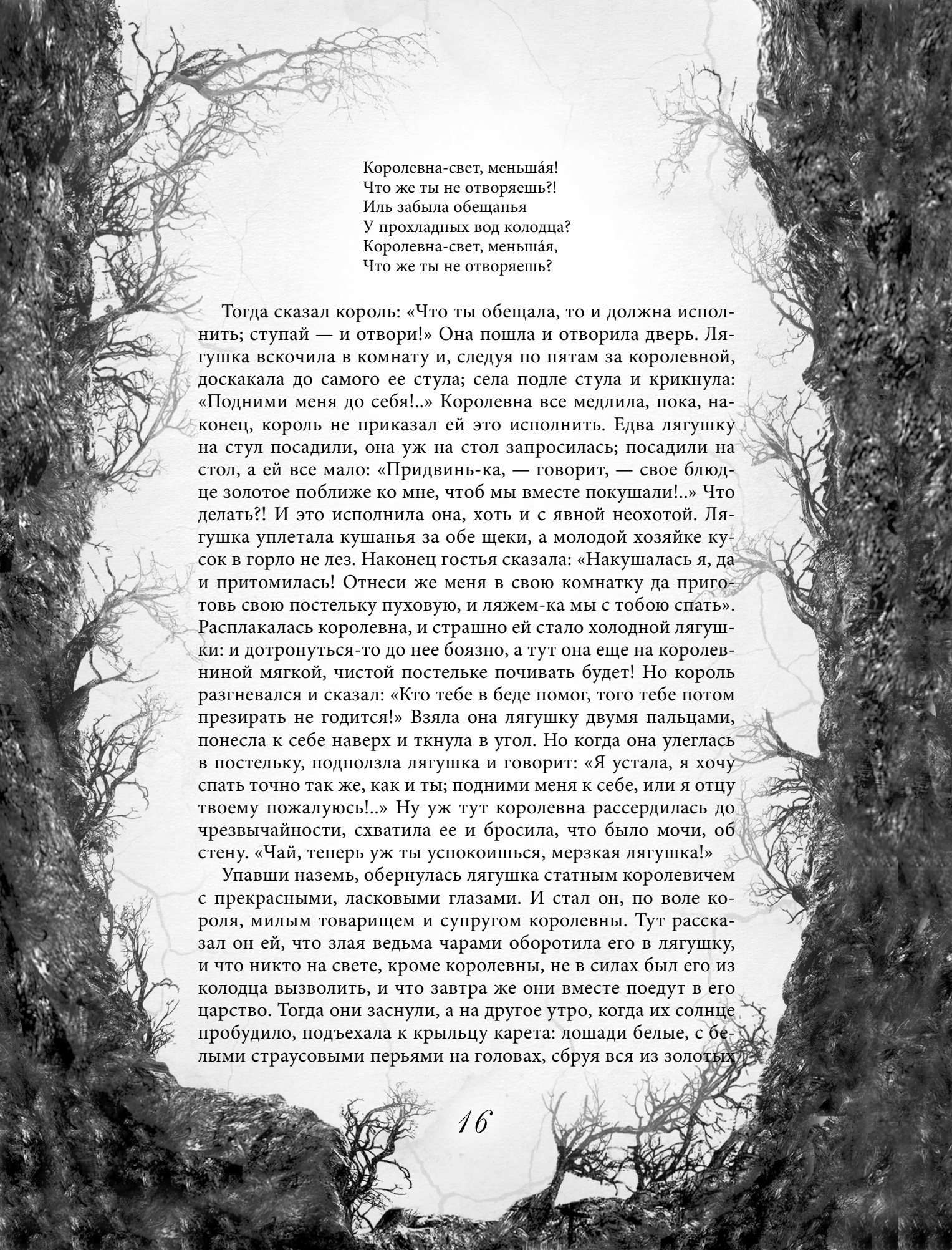
Лягушка постучала вторично и голос подала:

«Король-лягушонок, или Железный Генрих».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

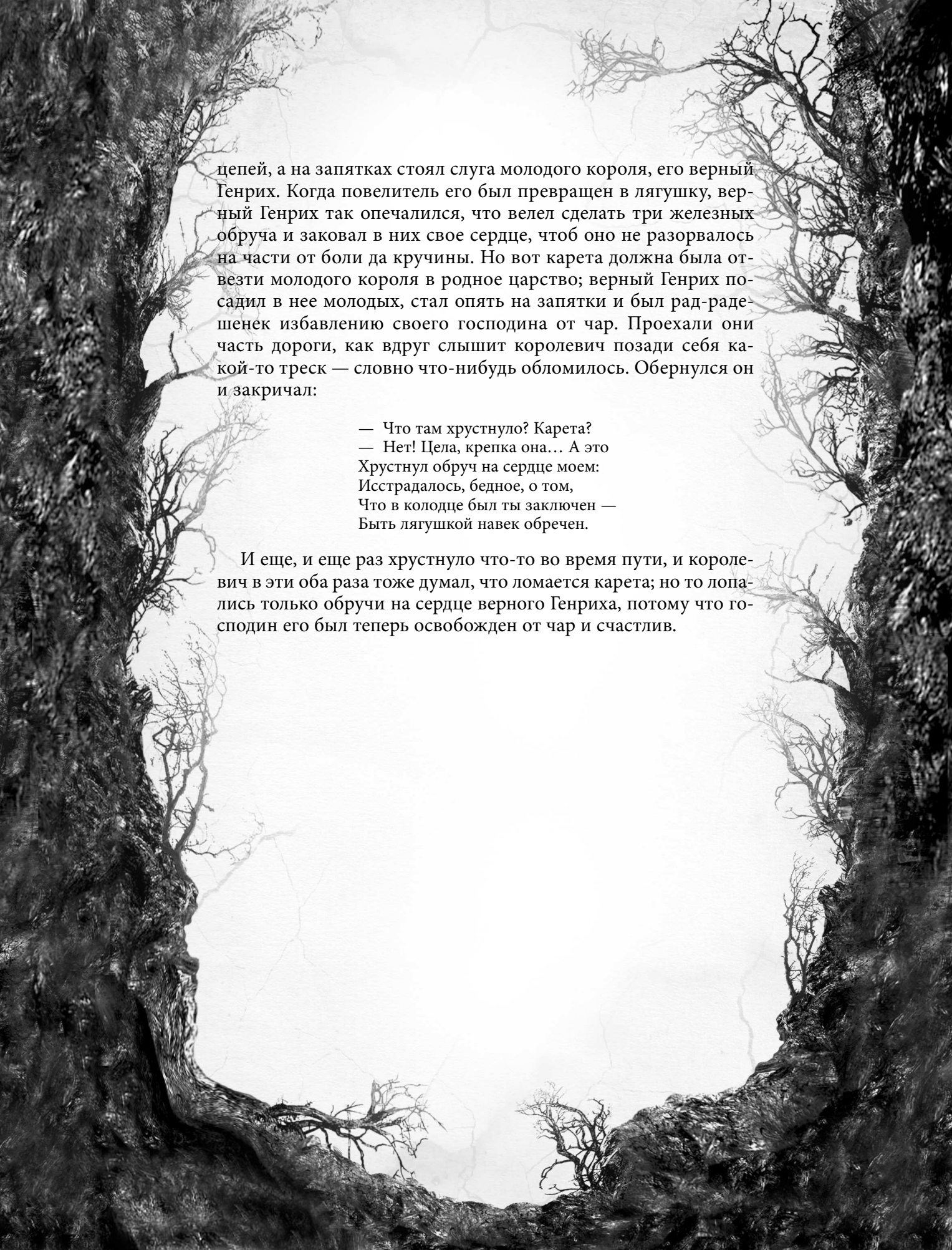
*«...Успокойся, не плачь, — отвечал лягушонок, —
я могу горю твоему помочь!»*

Королева-свет, меньшáя!
Что же ты не отворяешь?!
Иль забыла обеща́нья
У прохладных вод колодца?
Королева-свет, меньшáя,
Что же ты не отворяешь?

Тогда сказал король: «Что ты обещала, то и должна исполнить; ступай — и отвори!» Она пошла и отворила дверь. Лягушка вскочила в комнату и, следуя по пятам за королевой, доскакала до самого ее стула; села подле стула и крикнула: «Подними меня до себя!..» Королева все медлила, пока, наконец, король не приказал ей это исполнить. Едва лягушку на стул посадили, она уж на стол запросилась; посадили на стол, а ей все мало: «Придвинь-ка, — говорит, — свое блюдо золотое поближе ко мне, чтоб мы вместе покушали!..» Что делать?! И это исполнила она, хоть и с явной неохотой. Лягушка уплетала кушанья за обе щеки, а молодой хозяйке кусок в горло не лез. Наконец гостья сказала: «Накушалась я, да и притомилась! Отнеси же меня в свою комнатку да приготовь свою постельку пуховую, и ляжем-ка мы с тобою спать». Расплакалась королева, и страшно ей стало холодной лягушки: и дотронуться-то до нее боязно, а тут она еще на королевниной мягкой, чистой постельке почивать будет! Но король разгневался и сказал: «Кто тебе в беде помог, того тебе потом презирать не годится!» Взяла она лягушку двумя пальцами, понесла к себе наверх и ткнула в угол. Но когда она улеглась в постельку, подползла лягушка и говорит: «Я устала, я хочу спать точно так же, как и ты; подними меня к себе, или я отцу твоему пожалуюсь!..» Ну уж тут королева рассердилась до чрезвычайности, схватила ее и бросила, что было мочи, об стену. «Чай, теперь уж ты успокоишься, мерзкая лягушка!»

Упавши наземь, обернулась лягушка статным королевичем с прекрасными, ласковыми глазами. И стал он, по воле короля, милым товарищем и супругом королевы. Тут рассказал он ей, что злая ведьма чарами оборотила его в лягушку, и что никто на свете, кроме королевы, не в силах был его из колодца вызволить, и что завтра же они вместе поедут в его царство. Тогда они заснули, а на другое утро, когда их солнце пробудило, подъехала к крыльцу карета: лошади белые, с белыми страусовыми перьями на головах, сбруя вся из золотых

цепей, а на запятках стоял слуга молодого короля, его верный Генрих. Когда повелитель его был превращен в лягушку, верный Генрих так опечалился, что велел сделать три железных обруча и заковал в них свое сердце, чтоб оно не разорвалось на части от боли да кручины. Но вот карета должна была отвезти молодого короля в родное царство; верный Генрих посадил в нее молодых, стал опять на запятки и был рад-радешеньек избавлению своего господина от чар. Проехали они часть дороги, как вдруг слышит королевич позади себя какой-то треск — словно что-нибудь обломилось. Обернулся он и закричал:

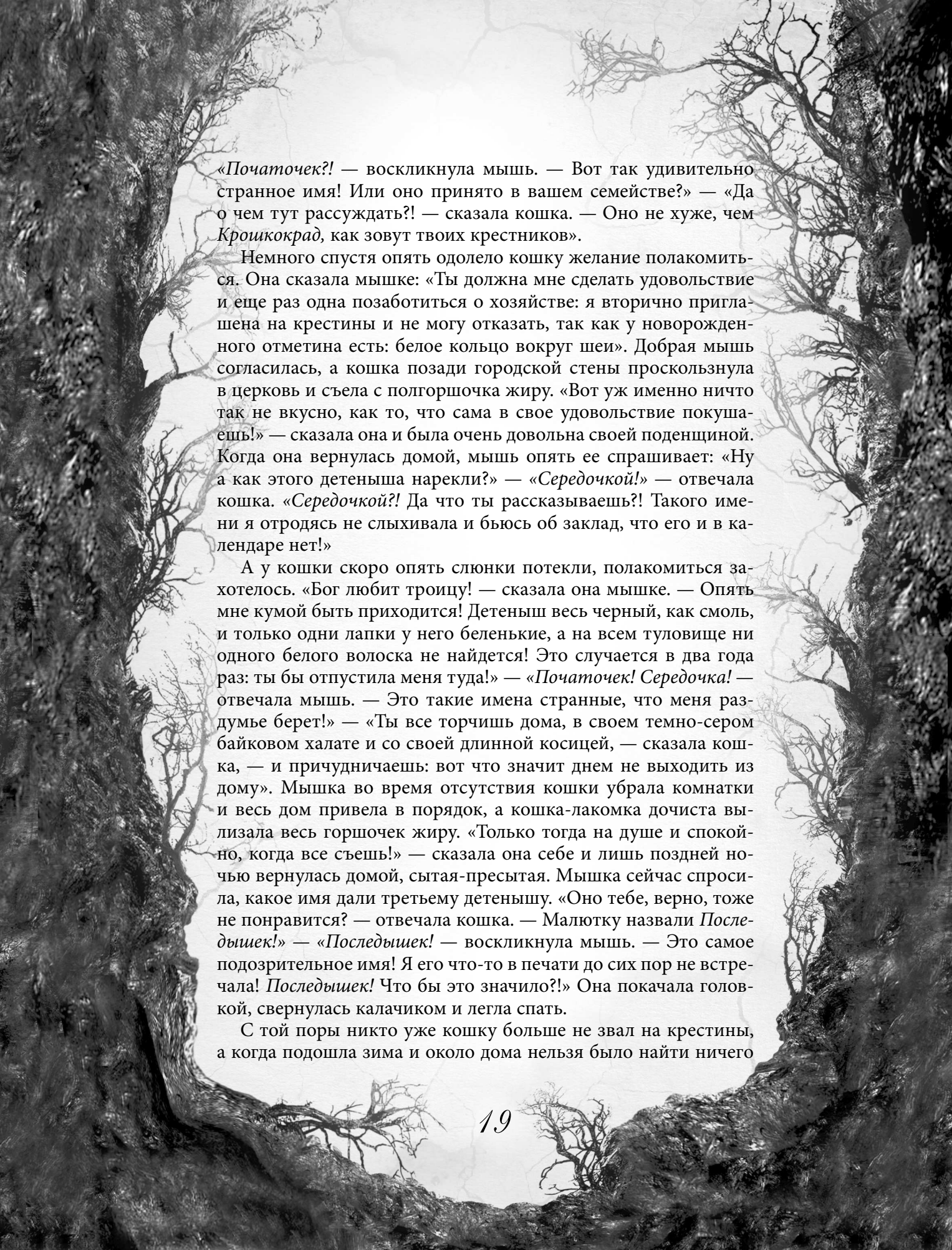
— Что там хрустнуло? Карета?
— Нет! Цела, крепка она... А это
Хрустнул обруч на сердце моем:
Исстрадалось, бедное, о том,
Что в колодце был ты заключен —
Быть лягушкой навек обречен.

И еще, и еще раз хрустнуло что-то во время пути, и королевич в эти оба раза тоже думал, что ломается карета; но то лопались только обручи на сердце верного Генриха, потому что господин его был теперь освобожден от чар и счастлив.

Кошка и мышка

С мышкой познакомилась кошка и столько пела ей про свою великую любовь и дружбу, что мышка наконец согласилась поселиться с нею в одном доме и завести общее хозяйство. «Да, вот к зиме нужно бы нам наготовить припасов, а не то голодать придется, — сказала кошка. — Ты, мышка, не можешь ведь всюду ходить! Того гляди еще кончишь тем, что в мышеловку угодишь!...» Добрый совет был принят и про запас куплен горшочек жиру. Но не знали они, куда его поставить, пока наконец после долгих рассуждений кошка не сказала: «Я не знаю места для хранения лучше церкви: оттуда никто не отважится украсть что бы то ни было; мы поставим горшочек под алтарем и примемся за него не прежде, чем это нам действительно понадобится». Горшочек поставили на хранение в верном месте; но немного времени прошло, как уже захотелось кошке отведать жирку, и говорит она мышке: «Вот что я все собиралась тебе сказать, мышка: звана я к сестре двоюродной на крестины; она родила сына, белого с темными пятнами, — так я кумой буду. Ты пусти меня сегодня в гости, а уж домашним хозяйством одна позаймись!» — «Да-да, — отвечала мышь, — ступай с богом; а если что вкусное скушать доведется, вспомни обо мне: я и сама бы не прочь выпить капельку сладкого красного крестинного винца...» Все это были выдумки: у кошки не было никакой двоюродной сестры, и никто не звал ее на крестины. Пошла она прямехонько в церковь, пробралась к горшочку с жиром, стала лизать и слизала сверху жирную пленочку. Потом совершила прогулку по городским крышам, осмотрелась кругом, затем растянулась на солнышке и облизывалась каждый раз, когда вспоминала о горшочке с жиром. Только ввечеру вернулась она домой. «Ну вот ты и вернулась! — сказала мышь. — Верно, весело денек провела!» — «Да, недурно», — отвечала кошка. «А как назвали новорожденного?» — «Початочек», — коротко отвечала кошка.

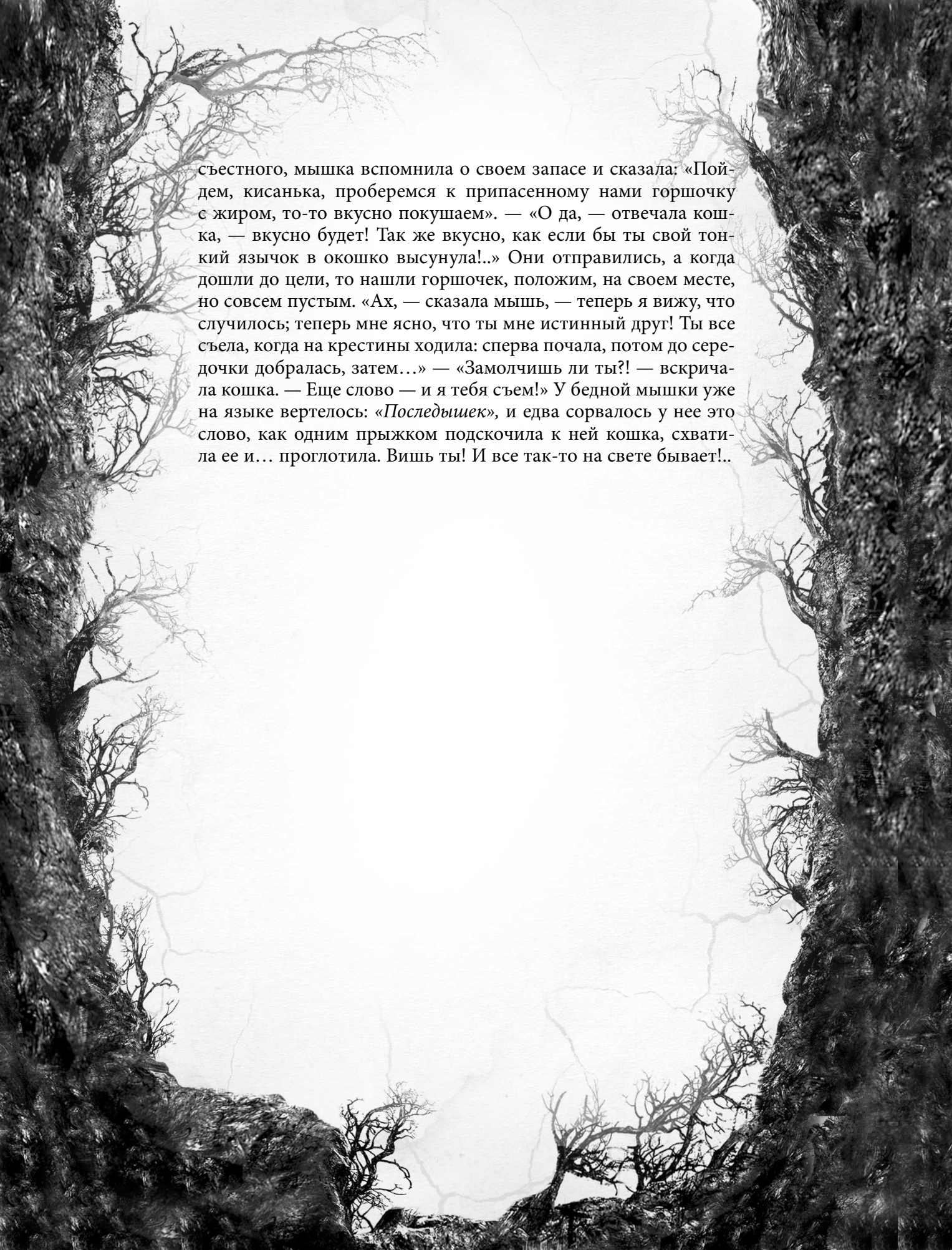

«*Початочек?! — воскликнула мышь. — Вот так удивительно странное имя! Или оно принято в вашем семействе?» — «Да о чем тут рассуждать?! — сказала кошка. — Оно не хуже, чем Крошкочрад, как зовут твоих крестников».*

Немного спустя опять одолело кошку желание полакомиться. Она сказала мышке: «Ты должна мне сделать удовольствие и еще раз одна позаботиться о хозяйстве: я вторично приглашена на крестины и не могу отказать, так как у новорожденного отметина есть: белое кольцо вокруг шеи». Добрая мышь согласилась, а кошка позади городской стены проскользнула в церковь и съела с полгоршочка жиру. «Вот уж именно ничто так не вкусно, как то, что сама в свое удовольствие покушаешь!» — сказала она и была очень довольна своей поденщиной. Когда она вернулась домой, мышь опять ее спрашивает: «Ну а как этого детеныша нарекли?» — «*Середочкой!*» — отвечала кошка. «*Середочкой?! Да что ты рассказываешь?! Такого имени я отродясь не слыхивала и бьюсь об заклад, что его и в календаре нет!*»

А у кошки скоро опять слюнки потекли, полакомиться захотелось. «Бог любит троицу! — сказала она мышке. — Опять мне кумой быть приходится! Детеныш весь черный, как смоль, и только одни лапки у него беленькие, а на всем туловище ни одного белого волоска не найдется! Это случается в два года раз: ты бы отпустила меня туда!» — «*Початочек! Середочка!*» — отвечала мышь. — Это такие имена странные, что меня раздумье берет!» — «Ты все торчишь дома, в своем темно-сером байковом халате и со своей длинной косицей, — сказала кошка, — и причудничаешь: вот что значит днем не выходить из дому». Мышка во время отсутствия кошки убрала комнатки и весь дом привела в порядок, а кошка-лакомка дочиста вылизала весь горшочек жиру. «Только тогда на душе и спокойно, когда все съешь!» — сказала она себе и лишь поздней ночью вернулась домой, сытая-пресытая. Мышка сейчас спросила, какое имя дали третьему детенышу. «Оно тебе, верно, тоже не понравится? — отвечала кошка. — Малютку назвали *Последышек!*» — «*Последышек!* — воскликнула мышь. — Это самое подозрительное имя! Я его что-то в печати до сих пор не встречала! *Последышек!* Что бы это значило?!» Она покачала головой, свернулась калачиком и легла спать.

С той поры никто уже кошку больше не звал на крестины, а когда подошла зима и около дома нельзя было найти ничего

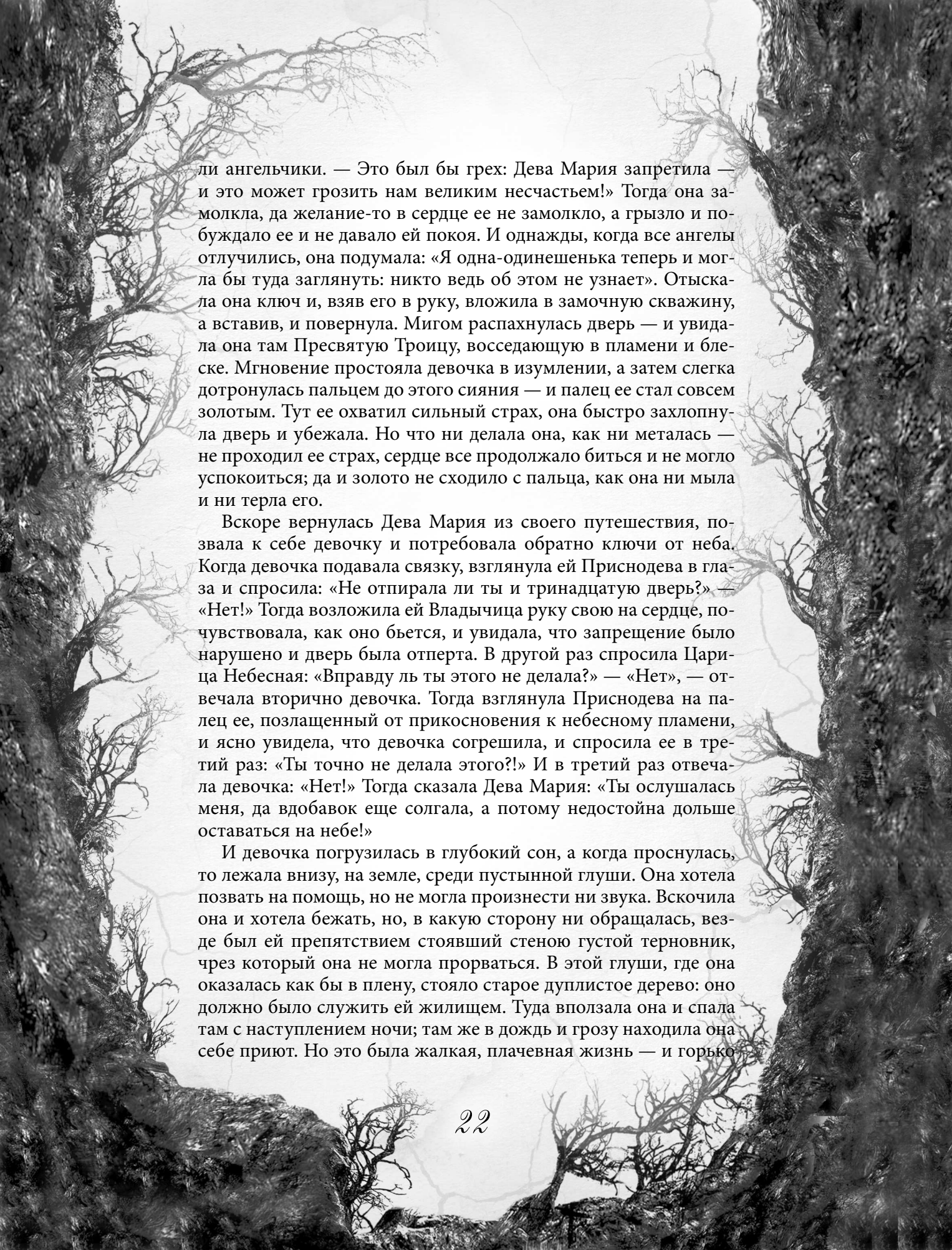

съестного, мышка вспомнила о своем запасе и сказала: «Пойдем, кисанька, проберемся к припасенному нами горшочку с жиром, то-то вкусно покушаем». — «О да, — отвечала кошка, — вкусно будет! Так же вкусно, как если бы ты свой тонкий язычок в окошко высунула!..» Они отправились, а когда дошли до цели, то нашли горшочек, положим, на своем месте, но совсем пустым. «Ах, — сказала мышь, — теперь я вижу, что случилось; теперь мне ясно, что ты мне истинный друг! Ты все съела, когда на крестины ходила: сперва почала, потом до середочки добралась, затем...» — «Замолчишь ли ты?! — вскричала кошка. — Еще слово — и я тебя съем!» У бедной мышки уже на языке вертелось: «*Последышек*», и едва сорвалось у нее это слово, как одним прыжком подскочила к ней кошка, схватила ее и... проглотила. Вишь ты! И все так-то на свете бывает!..

Дитя Марии

На опушке большого леса жил дровосек со своею женой, и было у них единственное дитя, трехлетняя девочка. Были они так бедны, что даже без хлеба насущного сживали и не знали, чем прокормить ребенка. Однажды поутру дровосек, подавленный своими заботами, отправился на работу в лес. Стал он там рубить дрова, как вдруг появилась перед ним прекрасная, высокая женщина, с венцом из ярких звезд на голове, и сказала ему: «Я — Дева Мария, мать младенца Христа. Ты беден, обременен нуждою! Принеси мне свое дитя: возьму его с собою, буду ему матерью и стану о нем заботиться». Послушался ее дровосек, принес дитя свое и вручил его Деве Марии, которая и взяла его с собой на небо. Хорошо там зажило дитя: ело пряники сахарные, пило сладкое молоко, в золотые одежды одевалось, и ангелы играли с ним. Когда же девочке исполнилось четырнадцать лет, позвала ее однажды к себе Дева Мария и сказала ей: «Милое дитя, предстоит мне путь неблизкий; так вот, возьми ты на хранение ключи от тринадцати дверей Царства Небесного. Двенадцать дверей можешь отпирать и осматривать все великолепие, но тринадцатую дверь, что вот этим маленьким ключиком отпирается, запрещаю тебе отпирать! Не отпирай ее: не то будешь несчастною!» Девочка обещала быть послушной, и затем, когда Дева Мария удалилась, она начала осматривать обители небесного царства. Каждый день отпирала она по одной двери, пока не обошла все двенадцать обителей. В каждой сидело по одному апостолу, в великом сиянии, — и девочка радовалась всей этой пышности и великолепию, и ангелы, всюду ее сопровождавшие, радовались вместе с нею. И вот оставалась замкнутою только одна запретная дверь; а девочке очень хотелось узнать, что за нею скрыто, и сказала она ангелам: «Совсем отворять ее я не стану и входить туда не буду, а лишь приотворю настолько, чтобы мы хоть в щелочку могли что-нибудь увидеть!» — «Ах нет! — отвеча-

ли ангельчики. — Это был бы грех: Дева Мария запретила — и это может грозить нам великим несчастьем!» Тогда она замолкла, да желание-то в сердце ее не замолкло, а грызло и побуждало ее и не давало ей покоя. И однажды, когда все ангелы отлучились, она подумала: «Я одна-одинешенька теперь и могла бы туда заглянуть: никто ведь об этом не узнает». Отыскала она ключ и, взяв его в руку, вложила в замочную скважину, а вставив, и повернула. Мигом распахнулась дверь — и увидела она там Пресвятую Троицу, восседающую в пламени и блеске. Мгновение простояла девочка в изумлении, а затем слегка дотронулась пальцем до этого сияния — и палец ее стал совсем золотым. Тут ее охватил сильный страх, она быстро захлопнула дверь и убежала. Но что ни делала она, как ни металась — не проходил ее страх, сердце все продолжало биться и не могло успокоиться; да и золото не сходило с пальца, как она ни мыла и ни терла его.

Вскоре вернулась Дева Мария из своего путешествия, позвала к себе девочку и потребовала обратно ключи от неба. Когда девочка подавала связку, взглянула ей Приснодева в глаза и спросила: «Не отпирала ли ты и тринадцатую дверь?» — «Нет!» Тогда возложила ей Владычица руку свою на сердце, почувствовала, как оно бьется, и увидела, что запрещение было нарушено и дверь была отперта. В другой раз спросила Царица Небесная: «Вправду ль ты этого не делала?» — «Нет», — отвечала вторично девочка. Тогда взглянула Приснодева на палец ее, позлащенный от прикосновения к небесному пламени, и ясно увидела, что девочка согрешила, и спросила ее в третий раз: «Ты точно не делала этого?!» И в третий раз отвечала девочка: «Нет!» Тогда сказала Дева Мария: «Ты послушалась меня, да вдобавок еще солгала, а потому недостойна дольше оставаться на небе!»

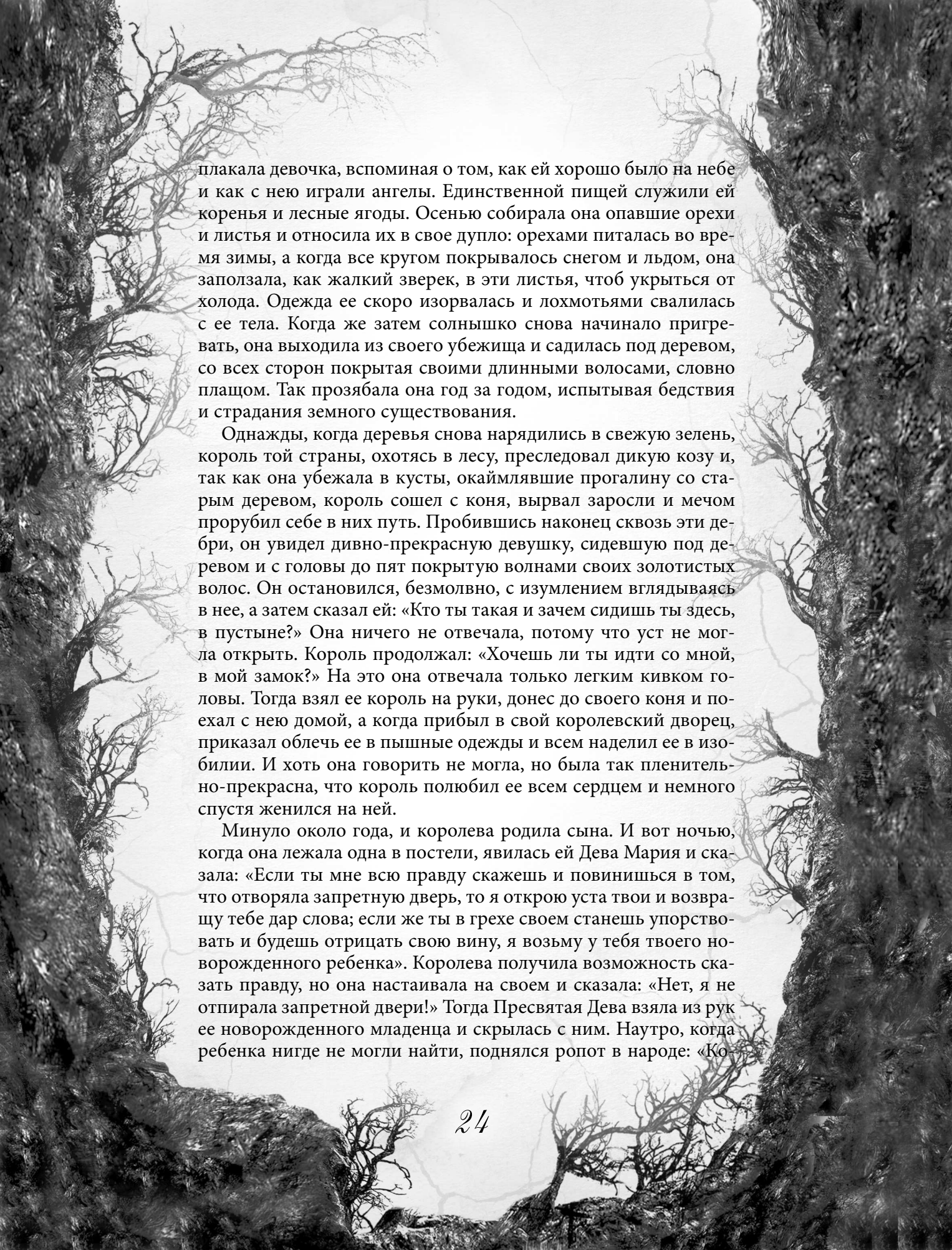
И девочка погрузилась в глубокий сон, а когда проснулась, то лежала внизу, на земле, среди пустынной глуши. Она хотела позвать на помощь, но не могла произнести ни звука. Вскочила она и хотела бежать, но, в какую сторону ни обращалась, везде был ей препятствием стоявший стеною густой терновник, чрез который она не могла прорваться. В этой глуши, где она оказалась как бы в плену, стояло старое дуплистое дерево: оно должно было служить ей жилищем. Туда вползала она и спала там с наступлением ночи; там же в дождь и грозу находила она себе приют. Но это была жалкая, плачевная жизнь — и горько

«Дитя Марии».

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

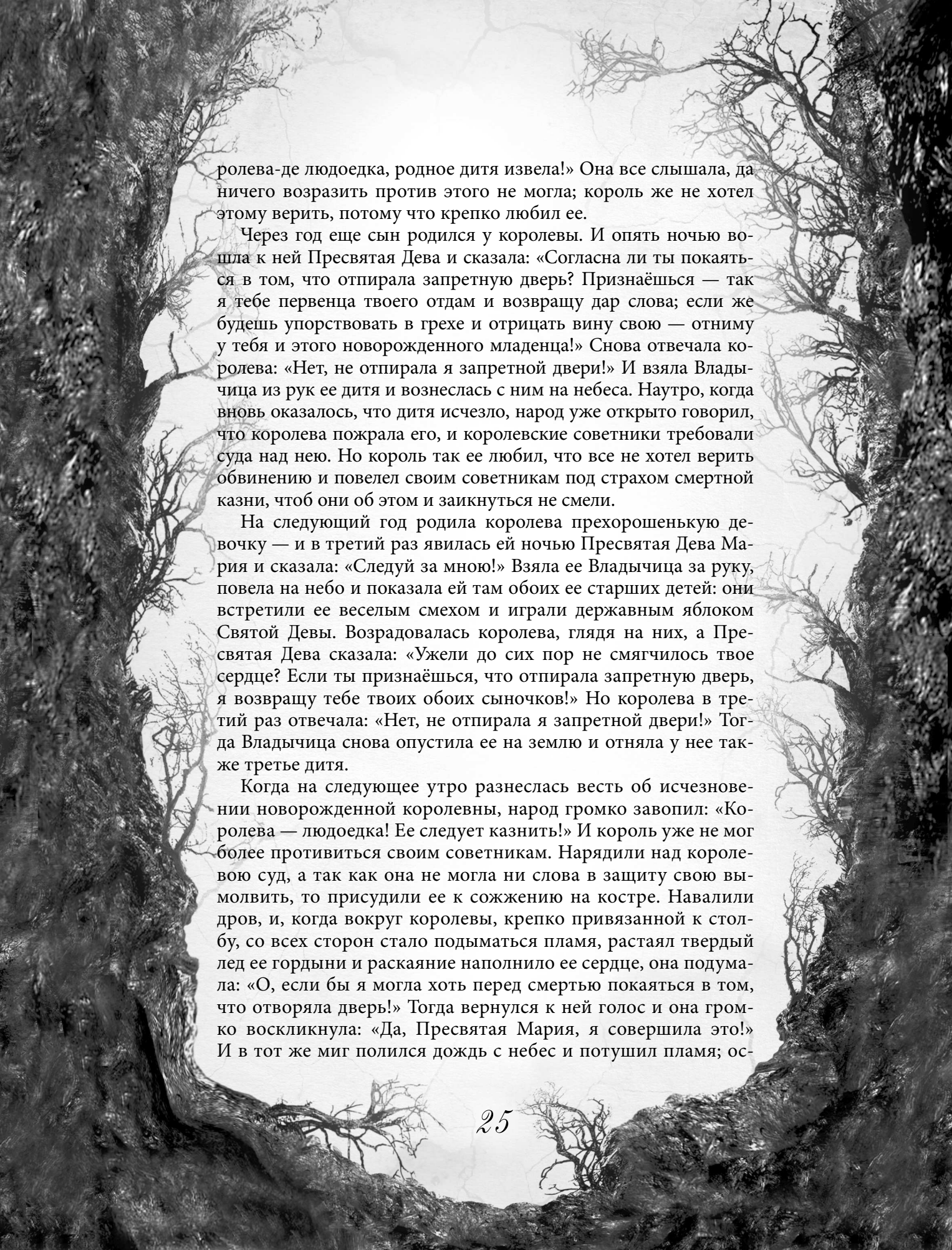
«...и Дева Мария сошла на землю с ее новорожденною дочерью на руках и обвила сыночками по сторонам...»

плакала девочка, вспоминая о том, как ей хорошо было на небе и как с нею играли ангелы. Единственной пищей служили ей коренья и лесные ягоды. Осенью собирала она опавшие орехи и листья и относила их в свое дупло: орехами питалась во время зимы, а когда все кругом покрывалось снегом и льдом, она заползала, как жалкий зверек, в эти листья, чтоб укрыться от холода. Одежда ее скоро изорвалась и лохмотьями свалилась с ее тела. Когда же затем солнышко снова начинало пригревать, она выходила из своего убежища и садилась под деревом, со всех сторон покрытая своими длинными волосами, словно плащом. Так прозябала она год за годом, испытывая бедствия и страдания земного существования.

Однажды, когда деревья снова нарядились в свежую зелень, король той страны, охотясь в лесу, преследовал дикую козу и, так как она убежала в кусты, окаймлявшие прогалину со старым деревом, король сошел с коня, вырвал заросли и мечом прорубил себе в них путь. Пробившись наконец сквозь эти дебри, он увидел дивно-прекрасную девушку, сидевшую под деревом и с головы до пят покрытую волнами своих золотистых волос. Он остановился, безмолвно, с изумлением вглядываясь в нее, а затем сказал ей: «Кто ты такая и зачем сидишь ты здесь, в пустыне?» Она ничего не отвечала, потому что уст не могла открыть. Король продолжал: «Хочешь ли ты идти со мной, в мой замок?» На это она отвечала только легким кивком головы. Тогда взял ее король на руки, донес до своего коня и поехал с нею домой, а когда прибыл в свой королевский дворец, приказал облечь ее в пышные одежды и всем наделил ее в изобилии. И хоть она говорить не могла, но была так пленительно-прекрасна, что король полюбил ее всем сердцем и немного спустя женился на ней.

Минуло около года, и королева родила сына. И вот ночью, когда она лежала одна в постели, явилась ей Дева Мария и сказала: «Если ты мне всю правду скажешь и повинись в том, что отворяла запретную дверь, то я открою уста твои и возвращу тебе дар слова; если же ты в грехе своем станешь упорствовать и будешь отрицать свою вину, я возьму у тебя твоего новорожденного ребенка». Королева получила возможность сказать правду, но она настаивала на своем и сказала: «Нет, я не отпираю запретной двери!» Тогда Пресвятая Дева взяла из рук ее новорожденного младенца и скрылась с ним. Наутро, когда ребенка нигде не могли найти, поднялся ропот в народе: «Ко-

ролева-де людоедка, родное дитя извела!» Она все слышала, да ничего возразить против этого не могла; король же не хотел этому верить, потому что крепко любил ее.

Через год еще сын родился у королевы. И опять ночью вошла к ней Пресвятая Дева и сказала: «Согласна ли ты покаяться в том, что отпирала запретную дверь? Признаёшься — так я тебе первенца твоего отдам и возвращу дар слова; если же будешь упорствовать в грехе и отрицать вину свою — отниму у тебя и этого новорожденного младенца!» Снова отвечала королева: «Нет, не отпирала я запретной двери!» И взяла Владычица из рук ее дитя и вознеслась с ним на небеса. Наутро, когда вновь оказалось, что дитя исчезло, народ уже открыто говорил, что королева пожрала его, и королевские советники требовали суда над нею. Но король так ее любил, что все не хотел верить обвинению и повелел своим советникам под страхом смертной казни, чтоб они об этом и заикнуться не смели.

На следующий год родила королева прехорошенькую девочку — и в третий раз явилась ей ночью Пресвятая Дева Мария и сказала: «Следуй за мною!» Взяла ее Владычица за руку, повела на небо и показала ей там обоих ее старших детей: они встретили ее веселым смехом и играли державным яблоком Святой Девы. Возрадовалась королева, глядя на них, а Пресвятая Дева сказала: «Ужели до сих пор не смягчилось твое сердце? Если ты признаёшься, что отпирала запретную дверь, я возвращу тебе твоих обоих сыночков!» Но королева в третий раз отвечала: «Нет, не отпирала я запретной двери!» Тогда Владычица снова опустила ее на землю и отняла у нее также третье дитя.

Когда на следующее утро разнеслась весть об исчезновении новорожденной королевны, народ громко завопил: «Королева — людоедка! Ее следует казнить!» И король уже не мог более противиться своим советникам. Нарядили над королевою суд, а так как она не могла ни слова в защиту свою вымолвить, то присудили ее к сожжению на костре. Навалили дров, и, когда вокруг королевы, крепко привязанной к столбу, со всех сторон стало подыматься пламя, растаял твердый лед ее гордыни и раскаяние наполнило ее сердце, она подумала: «О, если бы я могла хоть перед смертью покаяться в том, что отворяла дверь!» Тогда вернулся к ней голос и она громко воскликнула: «Да, Пресвятая Мария, я совершила это!» И в тот же миг полился дождь с небес и потушил пламя; ос-

A black and white illustration of a dark, cavernous space. The scene is framed by thick, dark, textured rock walls on the left and right sides. Several gnarled, leafless trees with intricate branch structures are scattered throughout the space, some growing from the rock walls and others in the center. The background is a bright, glowing light source, possibly a window or an opening, which creates a strong contrast with the dark foreground. The overall atmosphere is somber and mysterious.

лепительный свет осиял осужденную, и Дева Мария сошла на землю с ее новорожденной дочерью на руках и обоими сыночками по сторонам. И сказала ей Владычица ласково: «Кто сознаётся и раскаивается в своем грехе, тому грех прощается!» Отдала ей Приснодева всех троих детей, возвратила дар слова и осчастливила ее на всю жизнь.

Сказка о том, кто ходил страху учиться

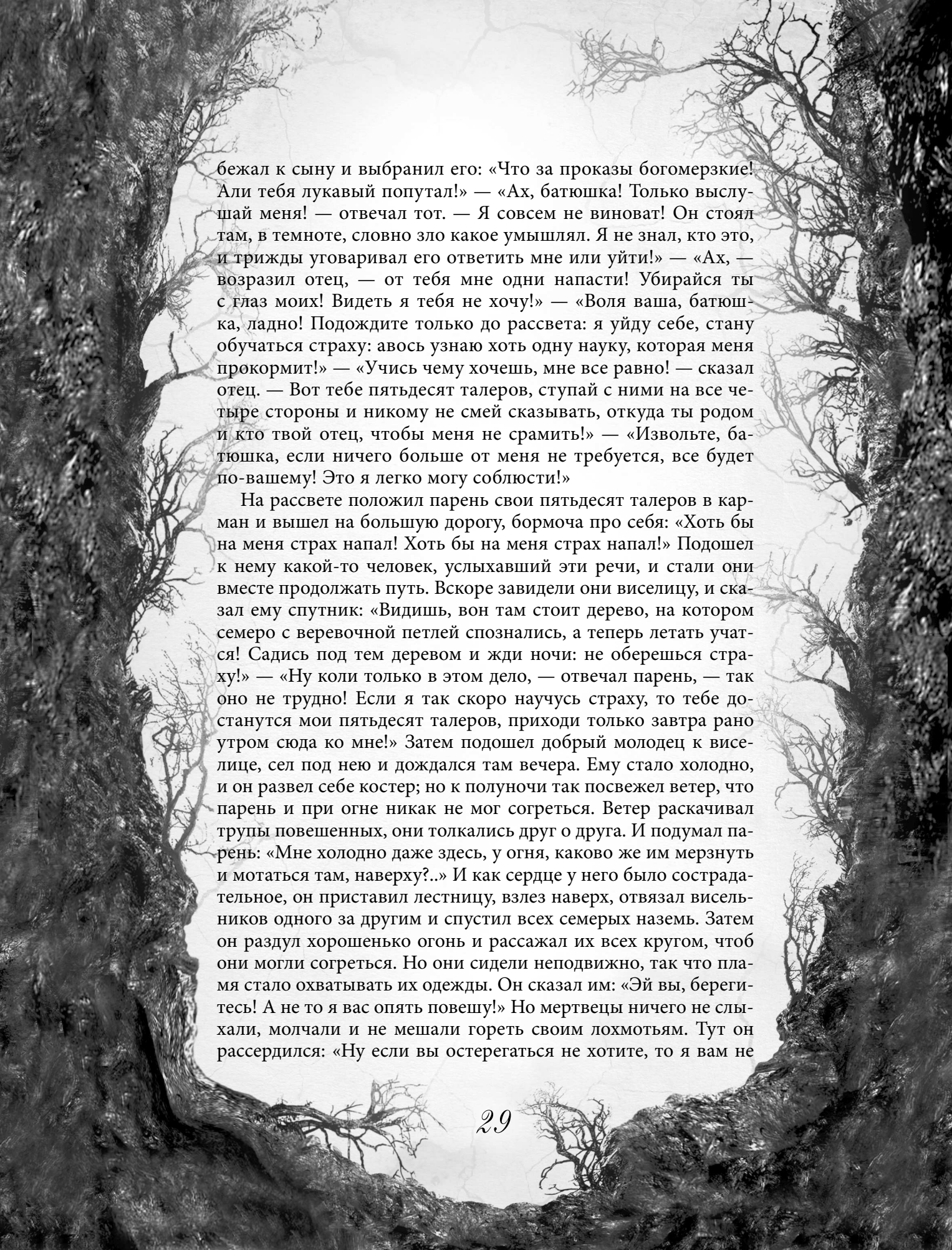
У одного отца было двое сыновей. Старший был умен, сметлив, и всякое дело у него спорилось в руках, а младший был глуп, непонятлив и ничему научиться не мог. Люди говорили, глядя на него: «С этим отец еще не оберется хлопот!» Когда нужно было сделать что-нибудь, все должен был один старший работать; но зато он был робок, и, когда отец его за чем-нибудь посылал позднею порой, особенно ночью, и если к тому же дорога проходила мимо кладбища или иного страшного места, он отвечал: «Ах нет, батюшка, не пойду я туда! Очень уж боязно мне!» Порой, когда вечером у камелька шли рассказы, от которых мороз по коже продирал, слушатели восклицали: «Ах, страсти какие!» А младший слушал, сидя в своем углу, и никак понять не мог, что это значило? «Вот затвердили-то: страшно да страшно! А мне вот ни капельки не страшно! И вовсе я не умею бояться! Должно быть, это также одна из тех премудростей, в которых я ничего не смыслю!»

Однажды сказал ему отец: «Послушай-ка ты там, в углу! Ты и растешь и силы набираешься, надо же тебе научиться тоже какому-нибудь ремеслу, чтоб добывать себе насущный хлеб. Видишь, как трудится твой брат; а тебя, право, даром кормить хлебом приходится!» — «Эх, батюшка! — отвечал тот. — Очень бы хотел я научиться чему-нибудь! Да уж коли на то пошло, очень хотелось бы мне научиться страху: я ведь совсем не умею бояться». Старший брат расхохотался, услышав такие речи, и подумал про себя: «Господи милостивый! Ну и дурень же брат у меня! Никогда пути не будет в нем! Кто хочет крючком быть, тот заранее спину гни!» Отец вздохнул и отвечал: «Страху-то ты еще непременно научишься, да хлеба-то себе этим не заработаешь!»

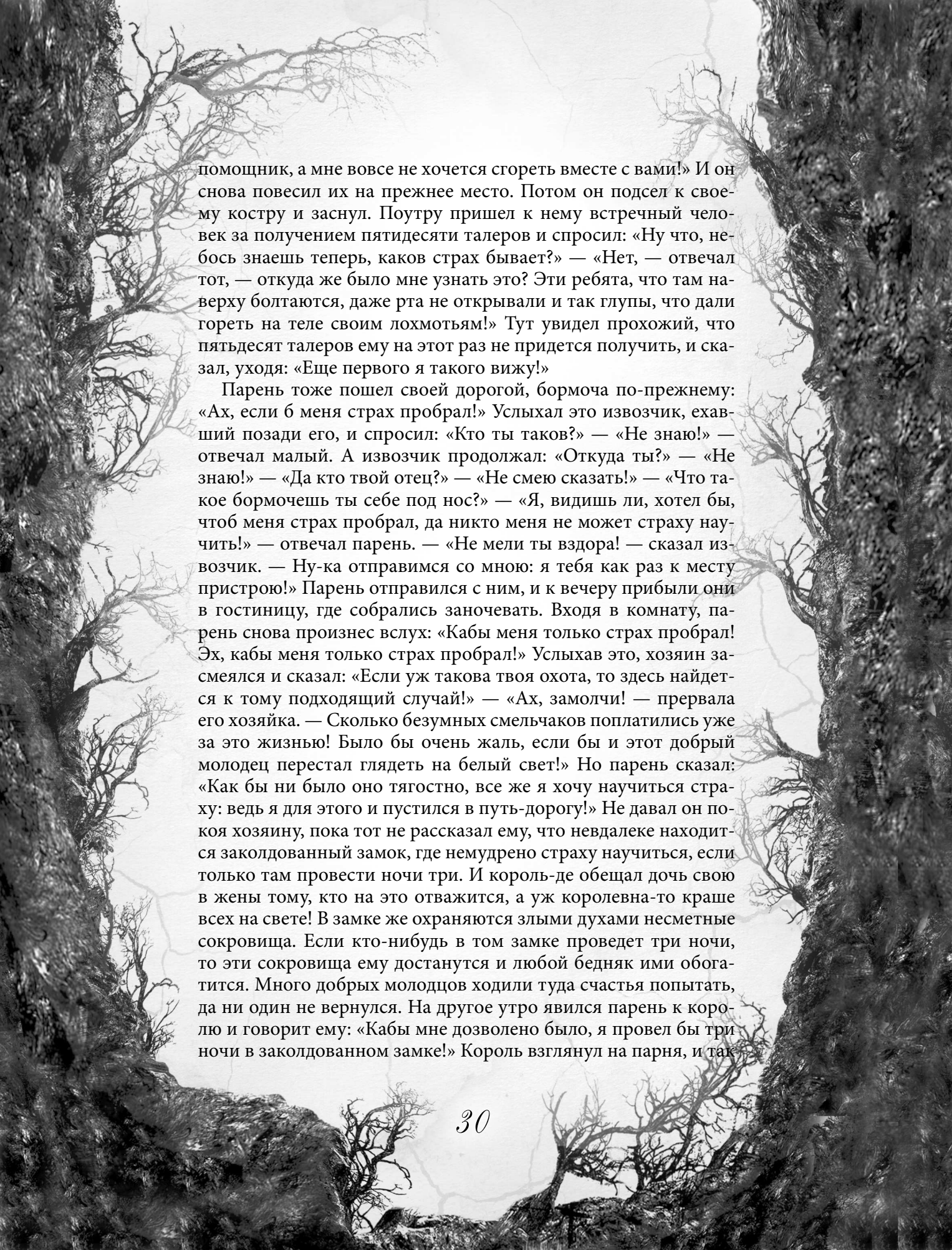
Вскоре после того зашел к ним в гости дьячок, и стал ему старик жаловаться на свое горе: не приспособился-де сын его ни к какому делу, ничего не знает и ничему не учится. «Ну подумайте только! Когда я спросил его, чем он станет себе хлеб зарабатывать, он ответил, что очень хотел бы научиться страху!» — «Коли за этим только дело стало, — отвечал дьячок, — так я берусь обучить его! Пришлите-ка его ко мне! Я его живо обработаю!..» Отец был этим доволен, в надежде что мало-хоть сколько-нибудь обломают. Итак, дьячок взял к себе парня домой и поручил ему звонить в колокол. Дня через два разбудил он его в полночь, велел ему встать, взойти на колокольню и звонить; а сам думает: «Ну научишься же ты нынче страху!» Пробрался тихонько вперед, и, когда парень, поднявшись наверх, обернулся, чтобы взяться за веревку от колокола, перед ним на лестнице, против слухового окна, очутился кто-то в белом. Он крикнул: «Кто там?» — но тот не отвечал и не шевелился. «Эй! Отвечай-ка! — закричал снова парень. — Или убирайся подобру-поздорову! Нечего тебе здесь ночью делать!» Но дьячок продолжал стоять неподвижно, чтобы парень принял его за привидение. Вторично обратился к нему парень: «Чего тебе нужно здесь? Отвечай, если ты честный малый; а не то я тебя сброшу с лестницы!» Дьячок подумал: «Ну это ты, братец мой, только так говоришь!» — не проронил ни звука и стоял словно каменный. И в третий раз крикнул ему парень, но опять не добился ответа. Тогда он бросился на привидение и столкнул его с лестницы так, что, пересчитав десяток ступеней, оно растянулось в углу. А парень отзвонил себе, пришел домой, лег, не говоря ни слова, в постель и заснул. Долго ждала дьячиха своего мужа, но тот все не приходил. Наконец ей страшно стало, она разбудила парня и спросила: «Не знаешь ли, где мой муж? Он ведь только что перед тобой взошел на колокольню!» — «Нет! — отвечал тот. — А вот на лестнице, против слухового окна, стоял кто-то, и так как он не хотел ни отвечать мне, ни убираться, я принял его за мошенника и спустил с лестницы. Подите-ка взгляните, не он ли это был? Мне было бы жаль, если бы это над ним стряслось!» Бросилась туда дьячиха и увидела мужа: сломал ногу, лежит в углу и стонет.

Она перенесла его домой и поспешила с громкими криками к отцу парня: «Ваш сын натворил беду великую: мужа моего сбросил с лестницы, так что, сердечный, ногу сломал! Возьмите вы негодяя из нашего дома!» Испугался отец, при-

бежал к сыну и выбранил его: «Что за проказы богомерзкие! Али тебя лукавый попутал!» — «Ах, батюшка! Только выслушай меня! — отвечал тот. — Я совсем не виноват! Он стоял там, в темноте, словно зло какое умышлял. Я не знал, кто это, и трижды уговаривал его ответить мне или уйти!» — «Ах, — возразил отец, — от тебя мне одни напасти! Убирайся ты с глаз моих! Видеть я тебя не хочу!» — «Воля ваша, батюшка, ладно! Подождите только до рассвета: я уйду себе, стану обучаться страху: авось узнаю хоть одну науку, которая меня прокормит!» — «Учись чему хочешь, мне все равно! — сказал отец. — Вот тебе пятьдесят талеров, ступай с ними на все четыре стороны и никому не смей сказывать, откуда ты родом и кто твой отец, чтобы меня не срамить!» — «Извольте, батюшка, если ничего больше от меня не требуется, все будет по-вашему! Это я легко могу соблюсти!»

На рассвете положил парень свои пятьдесят талеров в карман и вышел на большую дорогу, бормоча про себя: «Хоть бы на меня страх напал! Хоть бы на меня страх напал!» Подошел к нему какой-то человек, услышавший эти речи, и стали они вместе продолжать путь. Вскоре завидели они виселицу, и сказал ему спутник: «Видишь, вон там стоит дерево, на котором семеро с веревочной петлей спознались, а теперь летать учатся! Садись под тем деревом и жди ночи: не оберешься страху!» — «Ну коли только в этом дело, — отвечал парень, — так оно не трудно! Если я так скоро научусь страху, то тебе достанутся мои пятьдесят талеров, приходи только завтра рано утром сюда ко мне!» Затем подошел добрый молодец к виселице, сел под нею и дождался там вечера. Ему стало холодно, и он развел себе костер; но к полуночи так посвежел ветер, что парень и при огне никак не мог согреться. Ветер раскачивал трупы повешенных, они толкались друг о друга. И подумал парень: «Мне холодно даже здесь, у огня, каково же им мерзнуть и мотаться там, наверху?..» И как сердце у него было сострадательное, он приставил лестницу, взлез наверх, отвязал висельников одного за другим и спустил всех семерых наземь. Затем он раздул хорошенько огонь и рассажал их всех кругом, чтобы они могли согреться. Но они сидели неподвижно, так что пламя стало охватывать их одежды. Он сказал им: «Эй вы, берегитесь! А не то я вас опять повешу!» Но мертвецы ничего не слышали, молчали и не мешали гореть своим лохмотьям. Тут он рассердился: «Ну если вы остерегаться не хотите, то я вам не

помощник, а мне вовсе не хочется сгореть вместе с вами!» И он снова повесил их на прежнее место. Потом он подсел к своему костру и заснул. Поутру пришел к нему встречный человек за получением пятидесяти талеров и спросил: «Ну что, небось знаешь теперь, каков страх бывает?» — «Нет, — отвечал тот, — откуда же было мне узнать это? Эти ребята, что там наверху болтаются, даже рта не открывали и так глупы, что дали гореть на теле своим лохмотьям!» Тут увидел прохожий, что пятьдесят талеров ему на этот раз не придется получить, и сказал, уходя: «Еще первого я такого вижу!»

Парень тоже пошел своей дорогой, бормоча по-прежнему: «Ах, если б меня страх пробрал!» Услыхал это извозчик, ехавший позади его, и спросил: «Кто ты таков?» — «Не знаю!» — отвечал малый. А извозчик продолжал: «Откуда ты?» — «Не знаю!» — «Да кто твой отец?» — «Не смею сказать!» — «Что такое бормочешь ты себе под нос?» — «Я, видишь ли, хотел бы, чтоб меня страх пробрал, да никто меня не может страху научить!» — отвечал парень. — «Не мели ты вздора! — сказал извозчик. — Ну-ка отправимся со мною: я тебя как раз к месту пристрою!» Парень отправился с ним, и к вечеру прибыли они в гостиницу, где собрались заночевать. Входя в комнату, парень снова произнес вслух: «Кабы меня только страх пробрал! Эх, кабы меня только страх пробрал!» Услыхав это, хозяин засмеялся и сказал: «Если уж такова твоя охота, то здесь найдется к тому подходящий случай!» — «Ах, замолчи! — прервала его хозяйка. — Сколько безумных смельчаков поплатились уже за это жизнью! Было бы очень жаль, если бы и этот добрый молодец перестал глядеть на белый свет!» Но парень сказал: «Как бы ни было оно тягостно, все же я хочу научиться страху: ведь я для этого и пустился в путь-дорогу!» Не давал он покоя хозяину, пока тот не рассказал ему, что невдалеке находится заколдованный замок, где немудрено страху научиться, если только там провести ночи три. И король-де обещал дочь свою в жены тому, кто на это отважится, а уж королева-то краше всех на свете! В замке же охраняются злыми духами несметные сокровища. Если кто-нибудь в том замке проведет три ночи, то эти сокровища ему достанутся и любой бедняк ими обогатится. Много добрых молодцов ходили туда счастья попытать, да ни один не вернулся. На другое утро явился парень к королю и говорит ему: «Кабы мне дозволено было, я провел бы три ночи в заколдованном замке!» Король взглянул на парня, и так

*«Старик стал подле
него, лобызая, и
белая борода его свесилась
над наковальней.
Тогда парень схватил
топор, расколол одним
ударом наковальню
и защемил в нее бороду
старика...»*

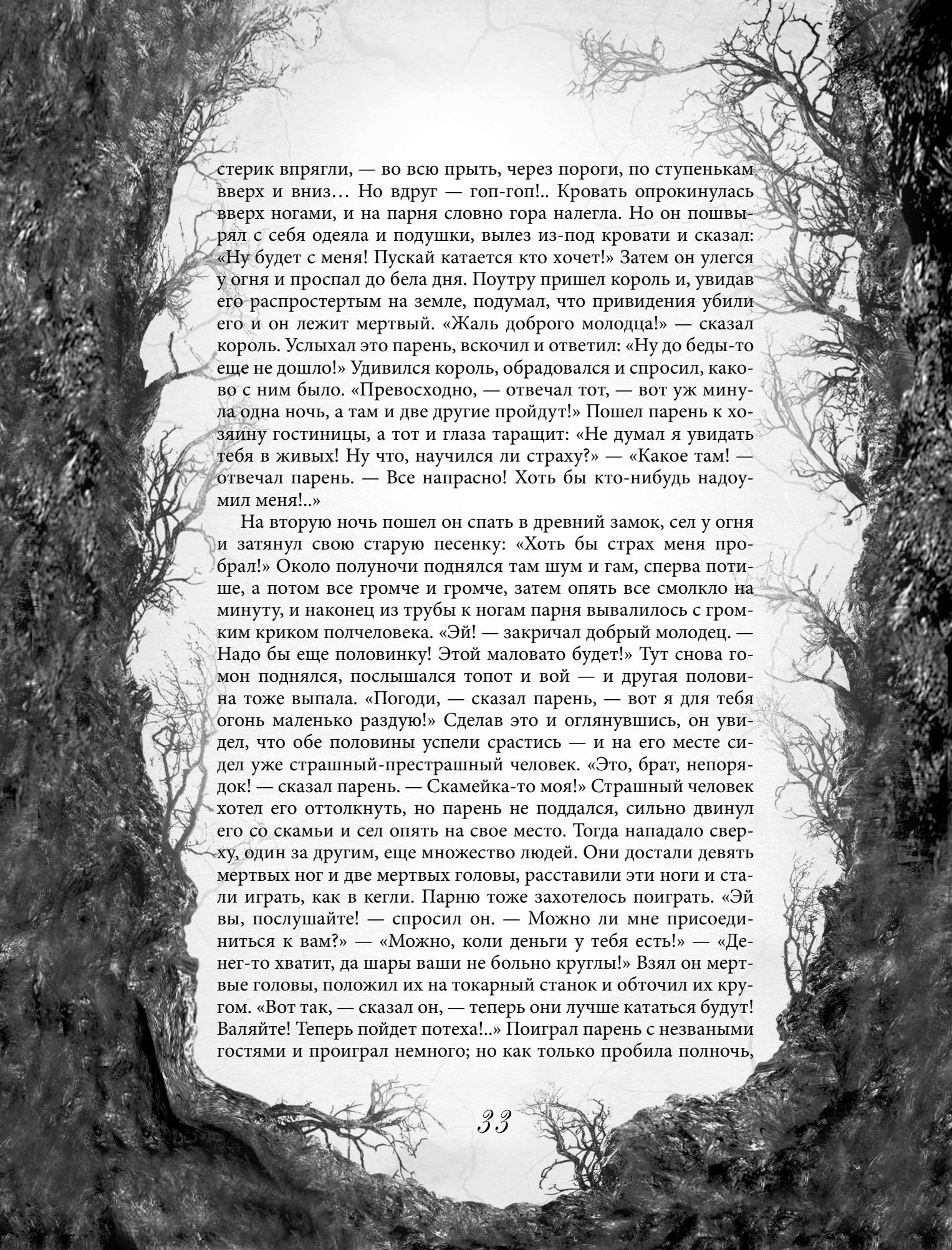

«Сказка о том, кто ходил страху учиться».
Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

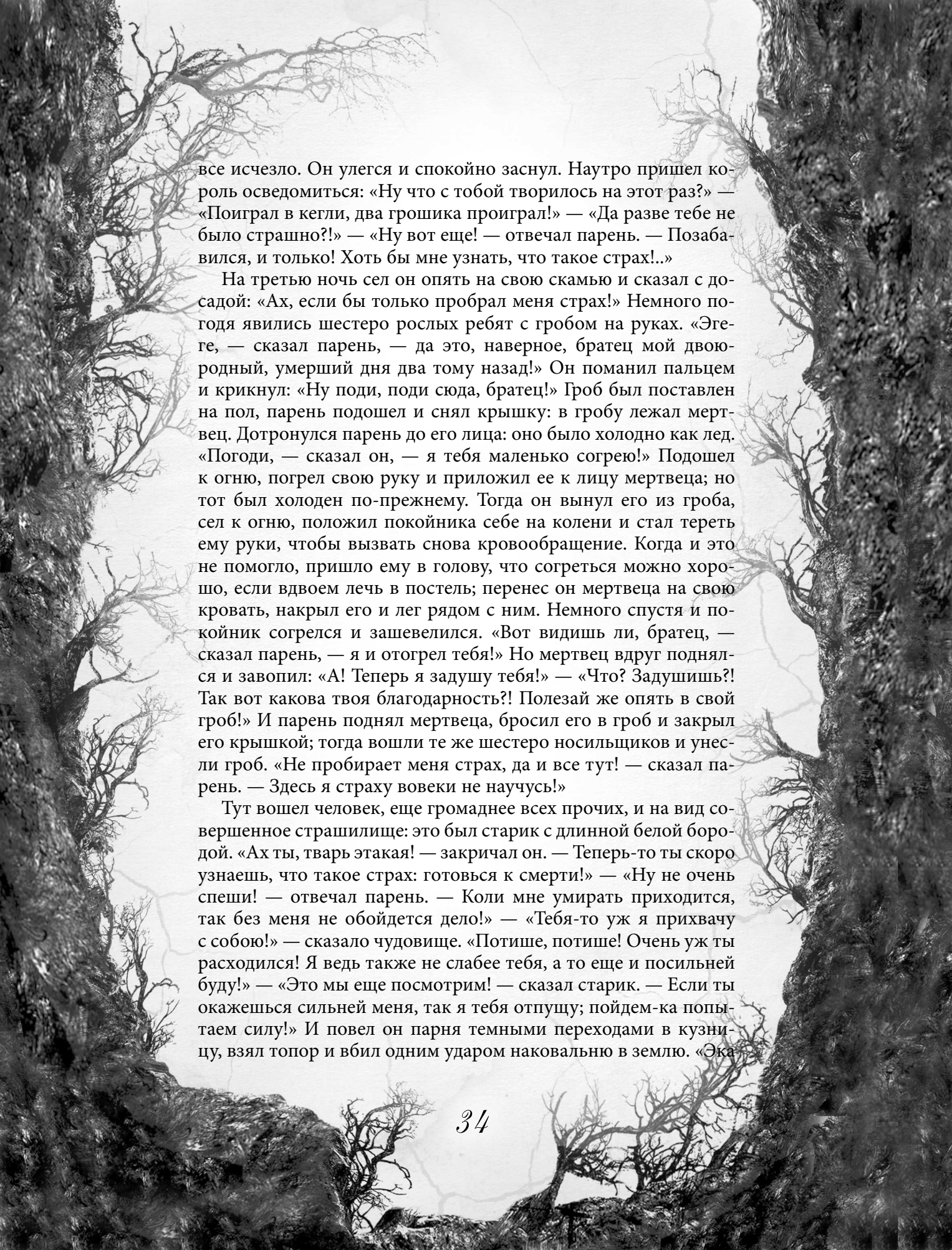
как тот ему приглянулся, то он сказал: «Ты можешь при этом избрать себе три предмета, но непременно неодушевленных, и захватить их с собою в замок». Парень отвечал: «Ну так я попрошу себе огня, токарный станок и резчий станок с резцом!»

Король велел еще засветло снести ему все это в замок. К ночи пошел туда парень, развел яркий огонь в одной из комнат, поставил близ него резчий станок с резцом, а сам сел за токарный. «Эх, кабы меня только страх пробрал! — сказал он. — Да, видно, и здесь я тоже не научусь ему!..» Около полуночи вздумал он пуще разжечь свой костер и стал раздувать пламя, как вдруг из одного угла послышалось: «Ау, мяу! Как нам холодно!» — «Чего орете, дурачье?! — закричал он. — Если вам холодно, идите садитесь к огню и грейтесь!» Едва успел он это произнести, как две больших черных кошки быстрым прыжком подскочили к нему, сели по обе его стороны и стали дико глядеть на него своими огненными глазами. Немного погодя, отогревшись, они сказали: «Товарищ! Не сыграем ли мы в карты?» — «Отчего же? — отвечал он. — Я не прочь; но сперва покажите-ка мне ваши лапы!» Они вытянули свои когти. «Э! — сказал парень. — Коготки у вас больно длинны! Погодите, я должен вам их сперва обстричь!» С этими словами схватил он кошек за загривок, поднял их на резчий станок и крепко стиснул в нем их лапы. «Увидал я ваши пальцы, — сказал он, — и прошла у меня всякая охота в карты играть!» Он убил их и выбросил из окна в пруд. Но когда он, покончив с этой парой, хотел опять подсесть к своему огню, отовсюду, из каждого угла повыскачили черные кошки и черные собаки на раскаленных цепях — и все прибывало да прибывало их, так что ему уж некуда было от них деваться. Они страшно ревели, наступали на огонь, разбрасывали дрова и собирались совсем разметать костер. Поглядел он с минуту спокойно на их возню, а когда ему невтерпез стало, он взял свой резец и закричал: «Брысь, нечисть окаянная!» — и бросился на них. Одни разбежались; других он перебил и побросал в пруд. Вернувшись, он снова раздул огонь и стал греться. Сидел он, сидел — и глаза стали слипаться, и стало его клонить ко сну. Оглядевшись кругом и увидав в углу большую кровать, он сказал: «А, вот это как раз кстати!» — и лег. Но не успел он и глаз сомкнуть, как вдруг кровать сама собой стала двигаться и покатила по всему замку. «Вот это ладно! — сказал он. — Да нельзя ли поживей! Трогай!» Тут понеслась кровать, точно в нее ще-

стерик впрягли, — во всю прыть, через пороги, по ступенькам вверх и вниз... Но вдруг — гоп-гоп!.. Кровать опрокинулась вверх ногами, и на парня словно гора налегла. Но он пошвырял с себя одеяла и подушки, вылез из-под кровати и сказал: «Ну будет с меня! Пускай катается кто хочет!» Затем он улегся у огня и проспал до бела дня. Поутру пришел король и, увидав его распростертым на земле, подумал, что привидения убили его и он лежит мертвый. «Жаль доброго молодца!» — сказал король. Услыхал это парень, вскочил и ответил: «Ну до беды-то еще не дошло!» Удивился король, обрадовался и спросил, какво с ним было. «Превосходно, — отвечал тот, — вот уж минула одна ночь, а там и две другие пройдут!» Пошел парень к хозяину гостиницы, а тот и глаза таращит: «Не думал я увидеть тебя в живых! Ну что, научился ли страху?» — «Какое там! — отвечал парень. — Все напрасно! Хоть бы кто-нибудь надоумил меня!..»

На вторую ночь пошел он спать в древний замок, сел у огня и затянул свою старую песенку: «Хоть бы страх меня пробрал!» Около полуночи поднялся там шум и гам, сперва потише, а потом все громче и громче, затем опять все смолкло на минуту, и наконец из трубы к ногам парня вывалилось с громким криком полчеловека. «Эй! — закричал добрый молодец. — Надо бы еще половинку! Этой маловато будет!» Тут снова гомон поднялся, послышался топот и вой — и другая половина тоже выпала. «Погоди, — сказал парень, — вот я для тебя огонь маленько раздую!» Сделав это и оглянувшись, он увидел, что обе половины успели срастись — и на его месте сидел уже страшный-престрашный человек. «Это, брат, непорядок! — сказал парень. — Скамейка-то моя!» Страшный человек хотел его оттолкнуть, но парень не поддался, сильно двинул его со скамьи и сел опять на свое место. Тогда нападало сверху, один за другим, еще множество людей. Они достали девять мертвых ног и две мертвых головы, расставили эти ноги и стали играть, как в кегли. Парню тоже захотелось поиграть. «Эй вы, послушайте! — спросил он. — Можно ли мне присоединиться к вам?» — «Можно, коли деньги у тебя есть!» — «Денег-то хватит, да шары ваши не больно круглы!» Взял он мертвые головы, положил их на токарный станок и обточил их кругом. «Вот так, — сказал он, — теперь они лучше кататься будут! Валяйте! Теперь пойдет потеха!..» Поиграл парень с незваными гостями и проиграл немного; но как только пробил полночь,

все исчезло. Он улегся и спокойно заснул. Наутро пришел король осведомиться: «Ну что с тобой творилось на этот раз?» — «Поиграл в кегли, два грошика проиграл!» — «Да разве тебе не было страшно?!» — «Ну вот еще! — отвечал парень. — Позабавился, и только! Хоть бы мне узнать, что такое страх!..»

На третью ночь сел он опять на свою скамью и сказал с досадой: «Ах, если бы только пробрал меня страх!» Немного погодя явились шестеро рослых ребят с гробом на руках. «Этеге, — сказал парень, — да это, наверное, братец мой двоюродный, умерший дня два тому назад!» Он поманил пальцем и крикнул: «Ну поди, поди сюда, братец!» Гроб был поставлен на пол, парень подошел и снял крышку: в гробу лежал мертвец. Дотронулся парень до его лица: оно было холодно как лед. «Погоди, — сказал он, — я тебя маленько согрею!» Подошел к огню, погрел свою руку и приложил ее к лицу мертвеца; но тот был холоден по-прежнему. Тогда он вынул его из гроба, сел к огню, положил покойника себе на колени и стал тереть ему руки, чтобы вызвать снова кровообращение. Когда и это не помогло, пришло ему в голову, что согреться можно хорошо, если вдвоем лечь в постель; перенес он мертвеца на свою кровать, накрыл его и лег рядом с ним. Немного спустя и покойник согрелся и зашевелился. «Вот видишь ли, братец, — сказал парень, — я и отогрел тебя!» Но мертвец вдруг поднялся и завопил: «А! Теперь я задушу тебя!» — «Что? Задушишь?! Так вот какова твоя благодарность?! Полезай же опять в свой гроб!» И парень поднял мертвеца, бросил его в гроб и закрыл его крышкой; тогда вошли те же шестеро носильщиков и унесли гроб. «Не пробирает меня страх, да и все тут! — сказал парень. — Здесь я страху вовеки не научусь!»

Тут вошел человек, еще громаднее всех прочих, и на вид совершенное страшилище: это был старик с длинной белой бородой. «Ах ты, тварь этакая! — закричал он. — Теперь-то ты скоро узнаешь, что такое страх: готовься к смерти!» — «Ну не очень спеши! — отвечал парень. — Коли мне умирать приходится, так без меня не обойдется дело!» — «Тебя-то уж я прихвачу с собою!» — сказала чудовище. «Потише, потише! Очень уж ты расхотелся! Я ведь также не слабее тебя, а то еще и посильней буду!» — «Это мы еще посмотрим! — сказал старик. — Если ты окажешься сильнее меня, так я тебя отпущу; пойдем-ка попытаем силу!» И повел он парня темными переходами в кузницу, взял топор и вбил одним ударом наковальню в землю. «Эка

«Сказка о том, кто ходил страху учиться. Вторая ночь в замке».
Художник — Герман Фогель. 1894 г.

«Тогда сверху напало один за другим еще множество людей. Они достали девять мертвых ног и две мертвые головы, расставили эти ноги и стали играть, как в кегли».

A dark, atmospheric illustration of a forest. The trees are gnarled and leafless, with intricate branch structures. The sky is filled with dark, swirling clouds, suggesting a storm or a night of heavy rain. The overall tone is somber and mysterious. The text is overlaid on the right side of the image, following the curve of the trees.

невидаль?! Я могу и получше этого сделать!» — сказал парень и подошел к другой наковальне; старик стал подле него, любопытствуя посмотреть, и белая борода его свесилась над наковальней. Тогда парень схватил топор, расколол одним ударом наковальню и защемил в нее бороду старика. «Ну теперь ты, брат, попался! — сказал он. — Теперь тебе помирать придется!» Взял он железный прут и стал им потчевать старика, пока тот не заверещал и не взмолился о пощаде, обещая дать ему за это превеликие богатства. Парень вытащил топор из щели и освободил старика. Повел его старик обратно в замок, показал ему в одном из погребов три сундука, наполненные золотом, и сказал: «Одна треть принадлежит бедным, другая — королю, третья — тебе...» В это время пробил полночь, дух исчез, и парень остался один в темноте. «Как-нибудь да выберусь отсюда!» — сказал он, пощупал вокруг себя, отыскал дорогу в свою комнату и заснул там у огня. Наутро пришел король и спросил: «Что же теперь-то, небось научился ты страху?!» — «Нет, — отвечал тот, — и ведать не ведаю, что такое страх! Побывал тут мой покойный двоюродный брат, да бородач какой-то приходил и показал мне там, внизу, кучу денег, а страху меня никто не научил!» И сказал тогда король: «Хвала тебе, добрый молодец! Избавил ты замок от нечистой силы! Бери же себе дочь мою в жены!» — «Все это очень хорошо, — отвечал тот, — а все-таки до сих пор я не знаю, что значит дрожать от страха!»

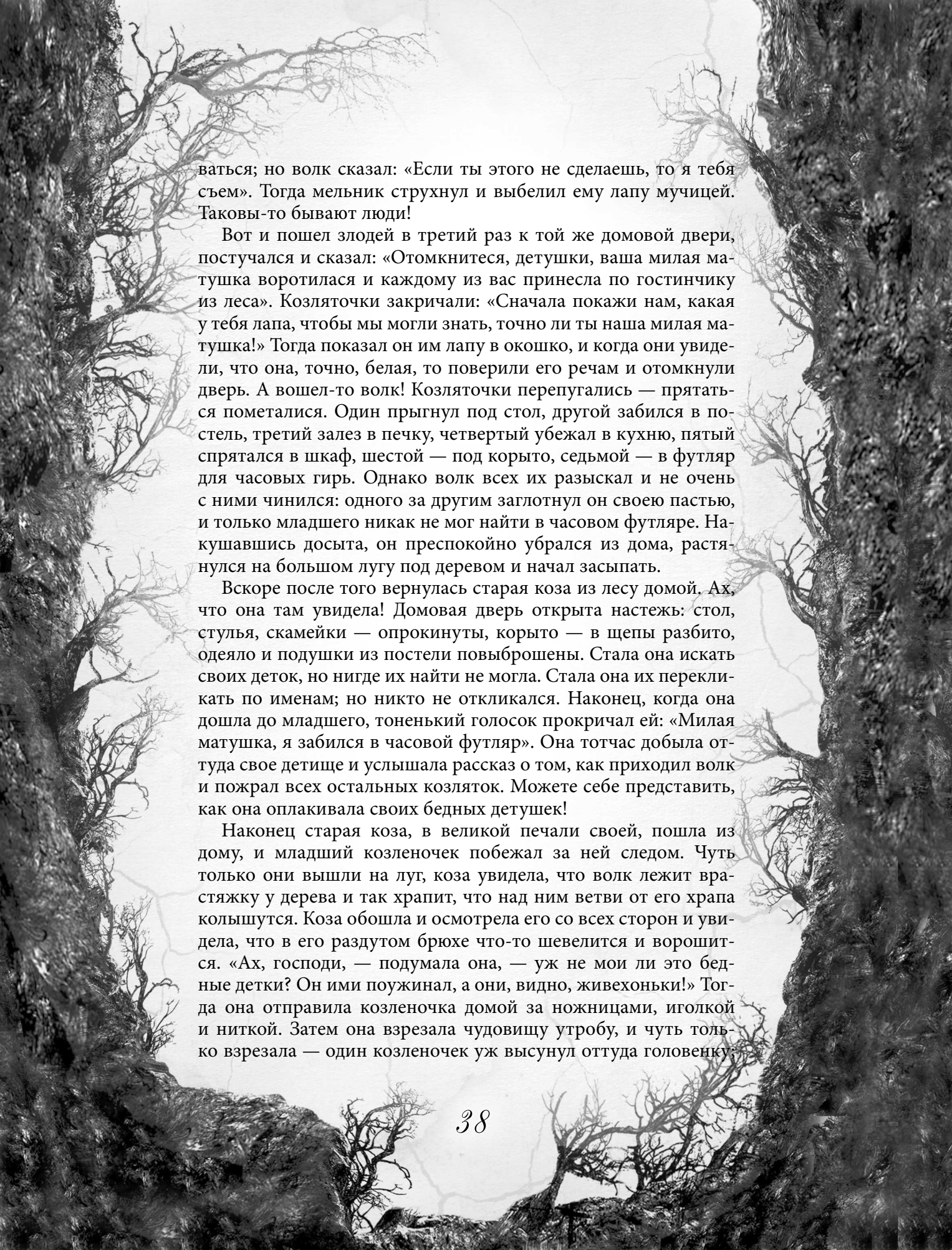
Золото достали из подземелья, отпраздновали свадьбу, но супруг королевны, как ни любил он свою супругу и как ни был он всем доволен, все повторял: «Ах, если бы только пробрал меня страх! Кабы страх меня пробрал!» Это наконец раздосадовало молодую. Горничная же ее сказала королевне: «Я пособлю горю! Небось научится и он дрожать от страха!» Она пошла к ручью, протекавшему через сад, и набрала полное ведро пескарей. Ночью, когда молодой король почивал, супруга сдернула с него одеяло и вылила на него целое ведро холодной воды с пескарями, которые так и запрыгали вокруг него. Проснулся тут молодой и закричал: «Ай, страшно мне, страшно мне, жenuшка милая! Да! Теперь я знаю, что значит дрожать от страха!...»

Волк и семеро козлят

Была-жила старая коза, и было у нее семь козляток, и она их любила, как всякая мать своих деток любит. Однажды пришлось ей в лес собираться, за кормом; и вот она созвала всех своих козляток и сказала: «Милые детки, надо мне в лесу побывать, так вы без меня берегитесь волка! Ведь он если сюда попадет, то съест вас всех и со шкурой, и с шерстью. Этот злодей часто прикидывается, будто он и не волк, но вы его сейчас узнаете по его грубому голосу и по его черным лапам». Козлятки отвечали: «Милая матушка, уж мы поостережемся, и вы можете идти, о нас не тревожься». Тогда старая коза заблеяла и преспокойно пустилась в путь.

Немного прошло времени после ее ухода, как уж кто-то постучался в домовую дверь и крикнул: «Отомкнитесь, милые детушки, ваша мать пришла и каждому из вас по гостинцу принесла». Но козляточки по грубому голосу поняли, что это пришел к ним волк, и крикнули ему: «Не отомкнемся мы, ты не наша мать! У той голосок тонкий да ласковый, а у тебя голос грубый! Ты — волк!» Тогда волк сбегал к лавочнику, купил у него большой кусок мела, съел его — и голос стал у него тоненький. Вернулся опять к той же домовой двери, постучал в нее и крикнул: «Отомкнитесь, милые детки, ваша мать пришла, всем вам по гостинцу принесла». Но он оперся своими черными лапами о подоконник, детки это увидели и закричали: «Не отомкнемся, у нашей матери не черные лапы, как у тебя! Ты — волк!» Тогда волк побежал к пекарю и сказал: «Я себе повредил ногу, вымажь мне ее тестом». И когда пекарь исполнил его желание, волк побежал к мельнику и сказал: «Осыпь мне лапы белой мукой». Мельник подумал: «Верно, волк затеял какую-нибудь плутню», — и стал было отговари-

ваться; но волк сказал: «Если ты этого не сделаешь, то я тебя съем». Тогда мельник струхнул и выбелил ему лапу мучицей. Таковы-то бывают люди!

Вот и пошел злодей в третий раз к той же домово́й двери, постучался и сказал: «Отомкните́ся, детушки, ваша ми́лая ма́тушка воро́тилася и ка́ждому из вас при́несла по го́стинчику из ле́са». Козля́тки закри́чали: «Снача́ла пока́жи нам, ка́кая у те́бя ла́па, что́бы мы мо́гли зна́ть, то́чно ли ты на́ша ми́лая ма́тушка!» Тогда́ показáл он им ла́пу в око́шко, и ко́гда они уви́дели, что она, то́чно, бе́лая, то по́верили его́ реча́м и отомкну́ли де́рзь. А воше́л-то во́лк! Козля́тки пере́пугали́сь — прятать́ся по́метали́ся. Оди́н пры́гну́л под сто́л, дру́гой заби́лся в по́стель, тре́тий за́лез в пе́чку, че́твертый убе́жал в ку́хню, пя́тый спря́тался в ша́ф, ше́стой — под ко́рыто, се́дьмой — в фу́тляр для ча́совых ги́рь. Одна́ко во́лк все́х их разы́скал и не оче́нь с ними чи́нился: одно́го за дру́гим за́глотну́л он сво́ею па́стью, и то́лько мла́дшего ника́к не мо́г най́ти в ча́совом фу́тляре. Наку́шавши́сь досы́та, он преспо́койно убра́лся из до́ма, ра́стяну́лся на бо́льшом лу́гу под де́ревом и нача́л засы́пать.

Вскоре́ после́ того́ верну́лась ста́рая ко́за из ле́су до́мой. Ах, что она́ там уви́дела! До́мовая де́рзь откры́та насте́жь: сто́л, сту́лья, скаме́йки — опро́кинуты́, ко́рыто — в ще́пы разби́то, оде́яло и поду́шки из по́стели по́выбро́шены. Ста́ла она́ иска́ть сво́их дете́к, но ни́где их най́ти не мо́гла. Ста́ла она́ их пере́клика́ть по и́менам; но ни́кто не откли́кался. На́конец, ко́гда она́ до́шла до мла́дшего, то́ненький го́лосок про́крича́л ей: «Ми́лая ма́тушка, я заби́лся в ча́совой фу́тляр». Она́ то́тчас до́была отту́да сво́е дете́ще и услы́шала ра́ска́з о то́м, ка́к при́ходи́л во́лк и по́жрал все́х оста́льных ко́зля́ток. Мо́жете се́бе предста́вить, ка́к она́ опла́кива́ла сво́их бедных́ дету́шек!

На́конец ста́рая ко́за, в ве́ликой пе́чали сво́ей, по́шла из до́му, и мла́дший ко́зленочек побе́жал за не́й сле́дом. Чу́ть то́лько они́ вы́шли на лу́г, ко́за уви́дела, что во́лк ле́жит вра́стяжку у де́рева и та́к хра́пит, что на́д ни́м ве́тви от его́ хра́па ко́лышутся. Ко́за обо́шла и осмо́трела его́ со все́х сто́рон и уви́дела, что в его́ разду́том брю́хе что-то ше́велится́ и воро́шится́. «Ах, го́споди, — подумáла она́, — уж не мо́и ли это́ бедные́ дете́ки? Он ими́ поужина́л, а они́, ви́дно, живехо́ньки!» Тогда́ она́ отпра́вила ко́зленочка́ до́мой за но́жница́ми, иго́лкой и ни́ткой. За́тем она́ взре́зала чу́довищу́ утробу́, и чу́ть то́лько взре́зала — оди́н ко́зленочек уж́ высуну́л оттуда́ голо́венку́.

а как стала резать дальше, то все шестеро козлят выпрыгнули один за другим из волчьей утробы, и все были живехоньки и целехоньки, потому что чудовище, в своей алчности, глотало их целиком. То-то была радость! И стали они ласкаться к своей матушке и приплясывать около нее, словно портной на свадьбе! А старая коза сказала: «Теперь ступайте, соберите мне побольше булыжников, мы их навалим этому проклятому зверине в утробу, пока он спит». Семеро козляточек поспешно натаскали булыжников и набили их в утробу волка сколько влезло. А старая коза еще того скорее зашила ему разрез, так что он ничего не заметил и даже не пошевелился... Когда же наконец волк выпался, он поднялся на ноги, и так как каменный груз возбуждал у него в желудке сильную жажду, то вздумал он пробраться к ключу и напиться. Но чуть только переступил он несколько шагов, камни стали у него в брюхе постукивать друг о друга и позвякивать один о другой. Тогда он воскликнул:

Что там рокошет, что там громыхает,
Что оттянуло утробу мою?
Думал я, это козляток с полдюжины...
Слышу — теперь там одни голыши!

И когда он пришел к ключу и наклонился к воде, собираясь пить, тяжелые камни его перетянули, он упал в воду и погиб злою смертью. А семеро козляточек, увидав это, прибежали к матери с криком: «Волк издох! Волк утонул!» И вместе с матерью радостно плясали около ключа.